

Возрождение эстетики леса, а не сборочного конвейера, жизни, которая позволяет нам прислушаться к тому, что говорит нам мир природы, к тому, что мы сами знали когда-то, но давно забыли после того, как вокруг нас вырос и сомкнулся над нами лабиринт города.

Мегатехнический капитализм может, конечно, найти способ полностью удушить все, что есть человеческого в нас, прежде, чем он неизбежно достигнет своих пределов и обвалится под напором собственной инерции. Именно над этим работают лаборатории и "мозговые центры", хотя они и называют это помутнение рассудка нашим окончательным "освобождением".

Но пока что мы еще живы, и некоторые из нас все еще знают, кто мы такие. Радость жизни нельзя найти на контрольных панелях и рабочих столах в лабораториях, в укреплении основ пирамиды работы или в постройке верхних этажей ее величественно-бесчеловечной доктрины. Нет ее и в потреблении лабораторных продуктов макдональдизации на бензохимическом банкете или в беге в никуда в ее глобальном белищем колесе. Радость жизни заключена в тканях живого мира, вселенной. Мы переживаем кошмарное отклонение от действительной цели нашего жизненного путешествия. Пусть рухнут все империи, и тогда мы сойдемся вместе и будем танцевать.

*Джордж Брэдфорд
Январь-февраль 1992 г.*

*Впервые опубликовано
в американском журнале
Fifth Estate, Vol.27, No.1 (339)*

- 56 -

Возрождение эстетики леса, а не сборочного конвейера, жизни, которая позволяет нам прислушаться к тому, что говорит нам мир природы, к тому, что мы сами знали когда-то, но давно забыли после того, как вокруг нас вырос и сомкнулся над нами лабиринт города.

Мегатехнический капитализм может, конечно, найти способ полностью удушить все, что есть человеческого в нас, прежде, чем он неизбежно достигнет своих пределов и обвалится под напором собственной инерции. Именно над этим работают лаборатории и "мозговые центры", хотя они и называют это помутнение рассудка нашим окончательным "освобождением".

Но пока что мы еще живы, и некоторые из нас все еще знают, кто мы такие. Радость жизни нельзя найти на контрольных панелях и рабочих столах в лабораториях, в укреплении основ пирамиды работы или в постройке верхних этажей ее величественно-бесчеловечной доктрины. Нет ее и в потреблении лабораторных продуктов макдональдизации на бензохимическом банкете или в беге в никуда в ее глобальном белищем колесе. Радость жизни заключена в тканях живого мира, вселенной. Мы переживаем кошмарное отклонение от действительной цели нашего жизненного путешествия. Пусть рухнут все империи, и тогда мы сойдемся вместе и будем танцевать.

*Джордж Брэдфорд
Январь-февраль 1992 г.*

*Впервые опубликовано
в американском журнале
Fifth Estate, Vol.27, No.1 (339)*

- 56 -

ДЖОРДЖ БРЭДФОРД

ТРИУМФ КАПИТАЛА

*Все что вы читаете, может быть
использовано против вас.*



**АВТОНОМНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2012Г**

ДЖОРДЖ БРЭДФОРД

ТРИУМФ КАПИТАЛА

*Все что вы читаете, может быть
использовано против вас.*



**АВТОНОМНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2012Г**

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Очерк "Триумф капитала" был написан и впервые опубликован в 1992 году, когда вопросы, поднятые перестройкой, были сданы в архив и стало ясно, что капиталистическая эксплуатация стала печальной судьбой бывшего СССР, по крайней мере, на ближайшее будущее. Кому-то может показаться, что появление "Триумфа капитала" на русском языке сильно запоздало. Действительно, сколько уже было сказано и написано о крушении коммунистического эксперимента в России и природе советского режима. Однако, на наш взгляд многие вещи, о которых пишет автор, будут чрезвычайно интересны российским читателям, поскольку вряд ли им приходилось встречаться с подобным анализом.

Одно из наиболее существенных достоинств очерка Брэдфорда заключается в том, что в нем в сжатой форме изложена критика марксизма и коммунистического режима в СССР, которая в разное время высказывалась представителями антиавторитарного крыла социалистического движения - начиная от Бакунина и русских анархистов 1910-20-х годов и кончая коммунистами рабочих советов и ситуационистами. К сожалению, эта критика (быть может, за исключением Бакунина) по-прежнему недоступна нашим читателям. Помимо этого Брэдфорд представляет читателям сжатую, но, тем не менее, очень интересную критику отчуждения и потребительской культуры. Хочется надеяться, что публикация "Триумфа капитала" на русском языке поможет поднять дискуссии на эти темы, которые еще долго будут обсуждаться, на новый уровень.

Есть и еще одна причина, по которой стоило бы опубликовать этот очерк. Мы по-прежнему живем в мире, который достаточно сильно напоминает оруэлловскую Океанию: исторические события и воспоминания о них стираются из общественного сознания, кажется, они бесследно исчезают в "дыре памяти", куда работники Министерства правды отправляют описания событий, становящиеся

- 2 -

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Очерк "Триумф капитала" был написан и впервые опубликован в 1992 году, когда вопросы, поднятые перестройкой, были сданы в архив и стало ясно, что капиталистическая эксплуатация стала печальной судьбой бывшего СССР, по крайней мере, на ближайшее будущее. Кому-то может показаться, что появление "Триумфа капитала" на русском языке сильно запоздало. Действительно, сколько уже было сказано и написано о крушении коммунистического эксперимента в России и природе советского режима. Однако, на наш взгляд многие вещи, о которых пишет автор, будут чрезвычайно интересны российским читателям, поскольку вряд ли им приходилось встречаться с подобным анализом.

Одно из наиболее существенных достоинств очерка Брэдфорда заключается в том, что в нем в сжатой форме изложена критика марксизма и коммунистического режима в СССР, которая в разное время высказывалась представителями антиавторитарного крыла социалистического движения - начиная от Бакунина и русских анархистов 1910-20-х годов и кончая коммунистами рабочих советов и ситуационистами. К сожалению, эта критика (быть может, за исключением Бакунина) по-прежнему недоступна нашим читателям. Помимо этого Брэдфорд представляет читателям сжатую, но, тем не менее, очень интересную критику отчуждения и потребительской культуры. Хочется надеяться, что публикация "Триумфа капитала" на русском языке поможет поднять дискуссии на эти темы, которые еще долго будут обсуждаться, на новый уровень.

Есть и еще одна причина, по которой стоило бы опубликовать этот очерк. Мы по-прежнему живем в мире, который достаточно сильно напоминает оруэлловскую Океанию: исторические события и воспоминания о них стираются из общественного сознания, кажется, они бесследно исчезают в "дыре памяти", куда работники Министерства правды отправляют описания событий, становящиеся

- 2 -

пятнадцать лет до этого, словами, которые также заставляют еще раз посмотреть на советский кризис.

Этот распад, писал он, будет "результатом синергии при крушении многочисленных систем, подпитывавших его расширение". "В одну ночь люди потеряют веру не только во все основные институты, но и в чудесные рецепты тех, кто говорит, что может вывести общество из кризиса." Способность иерархии определять общественное развитие "внезапно исчезнет, поскольку она будет признана иллюзией..."

Опять же, Иллич говорит об обоих блоках. Он говорит, что мы должны "приветствовать этот момент, как кризис революционного освобождения, поскольку современные институты ограничивают элементарную человеческую свободу для обеспечения людей (на самом деле только некоторых людей - Дж.Б.) большими институциональными возвратами". (Illich, Tools for Conviviality. New York, 1973.)

Несмотря на опасности, подобная деволуция может быть нашим единственным шансом на освобождение от комплекса мегамшины. Не обращая внимания на тягостное бремя культуры, основанной на монотонном труде, мы можем сознательно выбрать "наиболее подходящий выход" в виде распада, и найти пути которые будут катастрофой для капитала и приключением для нас самих.

Это означает, без исключений и малейших колебаний с нашей стороны, уничтожение всех империй, мира зон, приносимых в жертву, тяжелой, нудной работы, нужды и ядовитого рога изобилия товарного общества. Это означает возрождение культур, основанных на самообеспечении, которые еще сохранились в деревнях, среди народов, живущих племенами, и среди людей, ищущих практические решения в разломах и трещинах цивилизации. Это означает возрождение более спокойной, тихой и созерцательной жизни.

- 55 -

пятнадцать лет до этого, словами, которые также заставляют еще раз посмотреть на советский кризис.

Этот распад, писал он, будет "результатом синергии при крушении многочисленных систем, подпитывавших его расширение". "В одну ночь люди потеряют веру не только во все основные институты, но и в чудесные рецепты тех, кто говорит, что может вывести общество из кризиса." Способность иерархии определять общественное развитие "внезапно исчезнет, поскольку она будет признана иллюзией..."

Опять же, Иллич говорит об обоих блоках. Он говорит, что мы должны "приветствовать этот момент, как кризис революционного освобождения, поскольку современные институты ограничивают элементарную человеческую свободу для обеспечения людей (на самом деле только некоторых людей - Дж.Б.) большими институциональными возвратами". (Illich, Tools for Conviviality. New York, 1973.)

Несмотря на опасности, подобная деволуция может быть нашим единственным шансом на освобождение от комплекса мегамшины. Не обращая внимания на тягостное бремя культуры, основанной на монотонном труде, мы можем сознательно выбрать "наиболее подходящий выход" в виде распада, и найти пути которые будут катастрофой для капитала и приключением для нас самих.

Это означает, без исключений и малейших колебаний с нашей стороны, уничтожение всех империй, мира зон, приносимых в жертву, тяжелой, нудной работы, нужды и ядовитого рога изобилия товарного общества. Это означает возрождение культур, основанных на самообеспечении, которые еще сохранились в деревнях, среди народов, живущих племенами, и среди людей, ищущих практические решения в разломах и трещинах цивилизации. Это означает возрождение более спокойной, тихой и созерцательной жизни.

- 55 -

большую цену) и найти выход из кризиса. Они еще не сказали своего слова.

Одно должно быть ясно уже сейчас: мир, в котором будет можно жить, не возникнет из обанкротившейся мистики, революционной или какой-либо другой, из дальнейшего роста и дальнейшей модернизации; еще меньше можно рассчитывать на то, что он возникнет из бессильных попыток выжить в одиночку перед лицом распада. В первом случае, спасение индустриализма от его собственной инерции путем "демократизации" процесса однообразного механического труда - это не только социализм для дураков и сдача на милость перестроившихся иерархов, но, в конце концов, проигрышное предприятие. Что же касается рытья бункеров на задворках цивилизации (если такие задворки еще можно найти), то это участь, не стоящая того, чтобы жить, - это существование на голой звезде, когда смысл космоса превратился в прах.

Сохранение человеческого достоинства перед лицом всего, что нам предстоит пережить, сохранение моральной и этической целостности, памяти, защита человеческой личности и всех взаимосвязей неповторимого мира - вот единственные тонкие соломинки, за которые мы еще можем ухватиться. Подчеркивая последовательный отказ от капитализма и созданной им мегамашины, те, кто ставят под сомнение необходимость существования решеток государства, могут открыть небольшой выход, в который смогут устремиться и другие люди. Они могут найти практические ответы на возникающие проблемы и способствовать возникновению и развитию общинной солидарности, которая представляет собой нашу единственную надежду на спасение.

Так или иначе, глобальный капитализм в конечном счете последует за своим коммунистическим противником и "рост остановится", как предсказывал Айван Иллич за

- 54 -

большую цену) и найти выход из кризиса. Они еще не сказали своего слова.

Одно должно быть ясно уже сейчас: мир, в котором будет можно жить, не возникнет из обанкротившейся мистики, революционной или какой-либо другой, из дальнейшего роста и дальнейшей модернизации; еще меньше можно рассчитывать на то, что он возникнет из бессильных попыток выжить в одиночку перед лицом распада. В первом случае, спасение индустриализма от его собственной инерции путем "демократизации" процесса однообразного механического труда - это не только социализм для дураков и сдача на милость перестроившихся иерархов, но, в конце концов, проигрышное предприятие. Что же касается рытья бункеров на задворках цивилизации (если такие задворки еще можно найти), то это участь, не стоящая того, чтобы жить, - это существование на голой звезде, когда смысл космоса превратился в прах.

Сохранение человеческого достоинства перед лицом всего, что нам предстоит пережить, сохранение моральной и этической целостности, памяти, защита человеческой личности и всех взаимосвязей неповторимого мира - вот единственные тонкие соломинки, за которые мы еще можем ухватиться. Подчеркивая последовательный отказ от капитализма и созданной им мегамашины, те, кто ставят под сомнение необходимость существования решеток государства, могут открыть небольшой выход, в который смогут устремиться и другие люди. Они могут найти практические ответы на возникающие проблемы и способствовать возникновению и развитию общинной солидарности, которая представляет собой нашу единственную надежду на спасение.

Так или иначе, глобальный капитализм в конечном счете последует за своим коммунистическим противником и "рост остановится", как предсказывал Айван Иллич за

- 54 -

"неправильными". Если мы хотим что-то изменить в этом мире, мы должны остановить этот процесс, вернуть себе историческую память, попытаться сознательно двигаться в истории, самостоятельно создавать ее. В этом смысле наш взгляд назад всегда одновременно и взгляд в будущее. Очерк Брэдфорда заставляет остановиться и задуматься.

Джордж Брэдфорд входит в редакцию журнала Fifth Estate, одного из ведущих североамериканских анархических изданий на протяжении последних 30 лет. Его наиболее известная работа, "Насколько глубока "глубинная экология"?", представляет собой критическое исследование некоторых черт экологической философии.

1

*Правительства приходят и уходят, а бизнес остается.
Анатолий Скопенко, президент
украинского банка "Возрождение".*

США и СССР, как я понимаю, были двумя частями одной Империи, как бы разделенной императором Диоклетианом для чисто административных целей; в сущности это было одно целое с единой системой ценностей.

Филипп К. Дик

Когда рухнула берлинская стена, люди сразу побежали по магазинам. В этом, без сомнения, повседневном акте приобретения того, что имеет цену, они вошли в мир, называемый "свободным", и сделали это в манере, которая столь же материальна в своей символичности, сколь и символична в своей материальности. Теперь они были свободны заняться поисками товаров, которые нельзя было достать в обществе, называвшем себя марксистским. Ирония заключалась в том, что сам Маркс (вполне мудро написавший однажды, что он не марксист) писал, цитируя самого себя в первой строке первой главы первого тома "Капитала": "Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как "огромное скопление

- 3 -

"неправильными". Если мы хотим что-то изменить в этом мире, мы должны остановить этот процесс, вернуть себе историческую память, попытаться сознательно двигаться в истории, самостоятельно создавать ее. В этом смысле наш взгляд назад всегда одновременно и взгляд в будущее. Очерк Брэдфорда заставляет остановиться и задуматься.

Джордж Брэдфорд входит в редакцию журнала Fifth Estate, одного из ведущих североамериканских анархических изданий на протяжении последних 30 лет. Его наиболее известная работа, "Насколько глубока "глубинная экология"?", представляет собой критическое исследование некоторых черт экологической философии.

1

*Правительства приходят и уходят, а бизнес остается.
Анатолий Скопенко, президент
украинского банка "Возрождение".*

США и СССР, как я понимаю, были двумя частями одной Империи, как бы разделенной императором Диоклетианом для чисто административных целей; в сущности это было одно целое с единой системой ценностей.

Филипп К. Дик

Когда рухнула берлинская стена, люди сразу побежали по магазинам. В этом, без сомнения, повседневном акте приобретения того, что имеет цену, они вошли в мир, называемый "свободным", и сделали это в манере, которая столь же материальна в своей символичности, сколь и символична в своей материальности. Теперь они были свободны заняться поисками товаров, которые нельзя было достать в обществе, называвшем себя марксистским. Ирония заключалась в том, что сам Маркс (вполне мудро написавший однажды, что он не марксист) писал, цитируя самого себя в первой строке первой главы первого тома "Капитала": "Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как "огромное скопление

- 3 -

товаров..."

Теперь это огромное скопление стало ключом к желаниям людей. Они сбросили не только диктатуру, тайную полицию и контроль над мышлением, но все, что отгораживало их от мира за стеной. Даже сама стена пала под напором рыночных сил, была разбита на кусочки и продана на сувениры в память о моменте, быстро исчезающем в вихре опосредованной истории.

Проще говоря, капитализм праздновал триумф. Цены, конечно, выросли. "С более красивыми упаковками и большим разнообразием новых западных товаров, пришли также и более высокие цены", - писала одна канадская газета. Только со временем одержимые покупатели поймут, какова реальная цена этого. Они меняют диктатуру нищеты на стремительное обнищание под диктатурой денег. Их социализм потерпел неудачу, и теперь они заново усваивают азы капитализма, главный из которых - "Без денег ты кашка, а с деньгами - человек". К несчастью для себя они оказались на противоположном от "настоящих людей" конце. То, что всегда составляло сильную сторону Маркса, - его критика товара, рынка и отчуждения, - теперь легло тяжким грузом на плечи живущих, но не потому, что это был груз прошлого, а потому, что все это демонстрировало бремя настоящего, гнетущее людей.

"Способность всех продуктов, деятельности, отношений к обмену на нечто третье, на нечто такое, что в свою очередь может быть обменено на все без разбора, - то есть развитие меновых стоимостей (и денежных отношений) - тождественна всеобщей продажности, коррупции", - писал Маркс в своих рукописях. "Всеобщая проституция выступает как необходимая фаза развития общественного характера личных задатков, потенций, способностей, деятельности. Выражаясь более вежливо: всеобщее отношение полезности и годности для употребления". ("Экономические рукописи 1857-59

- 4 -

товаров..."

Теперь это огромное скопление стало ключом к желаниям людей. Они сбросили не только диктатуру, тайную полицию и контроль над мышлением, но все, что отгораживало их от мира за стеной. Даже сама стена пала под напором рыночных сил, была разбита на кусочки и продана на сувениры в память о моменте, быстро исчезающем в вихре опосредованной истории.

Проще говоря, капитализм праздновал триумф. Цены, конечно, выросли. "С более красивыми упаковками и большим разнообразием новых западных товаров, пришли также и более высокие цены", - писала одна канадская газета. Только со временем одержимые покупатели поймут, какова реальная цена этого. Они меняют диктатуру нищеты на стремительное обнищание под диктатурой денег. Их социализм потерпел неудачу, и теперь они заново усваивают азы капитализма, главный из которых - "Без денег ты кашка, а с деньгами - человек". К несчастью для себя они оказались на противоположном от "настоящих людей" конце. То, что всегда составляло сильную сторону Маркса, - его критика товара, рынка и отчуждения, - теперь легло тяжким грузом на плечи живущих, но не потому, что это был груз прошлого, а потому, что все это демонстрировало бремя настоящего, гнетущее людей.

"Способность всех продуктов, деятельности, отношений к обмену на нечто третье, на нечто такое, что в свою очередь может быть обменено на все без разбора, - то есть развитие меновых стоимостей (и денежных отношений) - тождественна всеобщей продажности, коррупции", - писал Маркс в своих рукописях. "Всеобщая проституция выступает как необходимая фаза развития общественного характера личных задатков, потенций, способностей, деятельности. Выражаясь более вежливо: всеобщее отношение полезности и годности для употребления". ("Экономические рукописи 1857-59

- 4 -

за скудные ресурсы, необходимые для выживания, пожирание слабых сильными, - но эта драматическая картина "содержит многие элементы, наличие которых подтверждено в предыдущих распадах". Это беспощадное напоминание, если, конечно, исторические летописи могут кого-то чему-нибудь научить, что распад является в большей степени результатом энтропии, чем той целостности, которой мы можем добиваться. И энтропия вовсе не нежна и не приятна.

В современном мире, конечно, ни одно из национальных государств не может окончательно распасться, как это случалось с древними империями. Мир теперь заполнен пучками противоборствующих мегамашин, и вакуум, вызванный крушением одной власти в любой области будет заполнен расширением другой. В прошлом, когда мы имели дело с подобного рода структурами, как например в случае с Микенской и Майанской империями, противоборствующие цивилизации вынуждены были переживать взаимный распад. Точно так же, как невозможно говорить о построении социализма в одной стране, нельзя говорить и о распаде. Распад цивилизации в том виде, в каком она существует, должен быть глобальным и относительно одновременным.

Тем не менее, какой бы неправдоподобной ни казалась подобная перспектива, включает Тэйлор, даже если глобальный индустриализм еще не достиг точки сокращения возвратов, "эта стадия неизбежно наступит... Как бы нам ни хотелось думать о себе как о чем-то особенном в мировой истории, на самом деле, индустриальные общества действуют по тем же самым принципам, которые привели к распаду ранние общества." Сравнятся ли ужасы современного капитализма с тем, что будет потом? События в Восточном блоке предлагают несколько сценариев. Давайте не будем недооценивать способность простых людей открыть новые альтернативы (пусть даже за это придется заплатить

- 53 -

за скудные ресурсы, необходимые для выживания, пожирание слабых сильными, - но эта драматическая картина "содержит многие элементы, наличие которых подтверждено в предыдущих распадах". Это беспощадное напоминание, если, конечно, исторические летописи могут кого-то чему-нибудь научить, что распад является в большей степени результатом энтропии, чем той целостности, которой мы можем добиваться. И энтропия вовсе не нежна и не приятна.

В современном мире, конечно, ни одно из национальных государств не может окончательно распасться, как это случалось с древними империями. Мир теперь заполнен пучками противоборствующих мегамашин, и вакуум, вызванный крушением одной власти в любой области будет заполнен расширением другой. В прошлом, когда мы имели дело с подобного рода структурами, как например в случае с Микенской и Майанской империями, противоборствующие цивилизации вынуждены были переживать взаимный распад. Точно так же, как невозможно говорить о построении социализма в одной стране, нельзя говорить и о распаде. Распад цивилизации в том виде, в каком она существует, должен быть глобальным и относительно одновременным.

Тем не менее, какой бы неправдоподобной ни казалась подобная перспектива, включает Тэйлор, даже если глобальный индустриализм еще не достиг точки сокращения возвратов, "эта стадия неизбежно наступит... Как бы нам ни хотелось думать о себе как о чем-то особенном в мировой истории, на самом деле, индустриальные общества действуют по тем же самым принципам, которые привели к распаду ранние общества." Сравнятся ли ужасы современного капитализма с тем, что будет потом? События в Восточном блоке предлагают несколько сценариев. Давайте не будем недооценивать способность простых людей открыть новые альтернативы (пусть даже за это придется заплатить

- 53 -

сокращаться (это означает, что компенсация вложенных затрат будет слишком низка), "распад является экономической альтернативой... и, может быть, самым подходящим ответом". В ситуации с Советским Союзом партийное государство было пораженным гангреной членом и его можно было ампутировать, оставив часть иерархической системы нетронутой.

Сокращение многих услуг, предоставляемых государством, также обеспечивало некоторые средства для центра.

Хотя крушение Советского Союза не является распадом того типа, который описывает Тэйнттер, поверхностные аспекты распада очевидны. Все распадается, хаос принимает угрожающие размеры, существует дефицит продовольствия и других средств для поддержания гражданского общества. Как говорилось в одном из репортажей, "продолжает сокращаться сфера услуг, фабрики останавливаются, зарплата замораживается... Растет беззаконие, начиная от содержания публичных домов и кончая грабежами, старые нормы общественного поведения разрушаются, что выражается в выталкивании стариков из очередей за молоком и собирании милостыни по соседям." (The New York Times, 13.12.91.)

Конечно, не стоит рассчитывать на то, что ведущая буржуазная газета отметит примеры самостоятельной деятельности и групповой взаимопомощи, которые наверняка имеют место в бывшем Советском Союзе, но тем не менее достаточно очевидно, что общество все еще удерживается на плаву. Можно надеяться на то, что с крушением тирании элементы общинной солидарности вновь возникнут среди ее бывших заключенных, но пока что все выглядит как первые выстрелы гоббсовской войны всех против всех.

Это, конечно, знакомый "сюжет" любого распада, пишет Тэйнттер, по крайней мере для обыденного сознания, - общественный хаос, беспощадная борьба

- 52 -

сокращаться (это означает, что компенсация вложенных затрат будет слишком низка), "распад является экономической альтернативой... и, может быть, самым подходящим ответом". В ситуации с Советским Союзом партийное государство было пораженным гангреной членом и его можно было ампутировать, оставив часть иерархической системы нетронутой.

Сокращение многих услуг, предоставляемых государством, также обеспечивало некоторые средства для центра.

Хотя крушение Советского Союза не является распадом того типа, который описывает Тэйнттер, поверхностные аспекты распада очевидны. Все распадается, хаос принимает угрожающие размеры, существует дефицит продовольствия и других средств для поддержания гражданского общества. Как говорилось в одном из репортажей, "продолжает сокращаться сфера услуг, фабрики останавливаются, зарплата замораживается... Растет беззаконие, начиная от содержания публичных домов и кончая грабежами, старые нормы общественного поведения разрушаются, что выражается в выталкивании стариков из очередей за молоком и собирании милостыни по соседям." (The New York Times, 13.12.91.)

Конечно, не стоит рассчитывать на то, что ведущая буржуазная газета отметит примеры самостоятельной деятельности и групповой взаимопомощи, которые наверняка имеют место в бывшем Советском Союзе, но тем не менее достаточно очевидно, что общество все еще удерживается на плаву. Можно надеяться на то, что с крушением тирании элементы общинной солидарности вновь возникнут среди ее бывших заключенных, но пока что все выглядит как первые выстрелы гоббсовской войны всех против всех.

Это, конечно, знакомый "сюжет" любого распада, пишет Тэйнттер, по крайней мере для обыденного сознания, - общественный хаос, беспощадная борьба

- 52 -

гг.") Бывшие заключенные Восточного блока сбросили свои цепи, но мир, который они обрели, оказался универсальной проституцией, о которой писал их официальный пророк. Этот мир мы, заключенные Западного блока, знаем слишком хорошо. "Мы их макдональдизируем", - заявил в интервью "Нью-Йорк Таймс" управляющий "Макдональдс", комментируя "культурное завоевание" Советского Союза и открытие своего ресторана в Москве.

Капитализм праздновал триумф. "Свободный мир" одержал победу. Восточный блок стал свободен, - его теперь можно свободно макдональдизировать.

В том же отрывке "Экономических рукописей" Маркс отметил, что в обществах с "неразвитыми" системами обмена (феодализм, традиционные или не имеющие письменности общества, а теперь к ним можно условно отнести и бюрократические коллективистские общества Восточного блока), люди вступают в общение друг с другом, будучи "заключенными" в строго определенные роли (и здесь он показал свою собственную несвободу от буржуазной идеологии прогресса в той степени, в какой рассматривал все отношения как строго определенные, несмотря на обоснованность альтернативы, которую он пытался предложить). Роли, о которых говорил Маркс, могут включать господина и вассала, или роли, определяемые родовыми отношениями, но, возможно, также партийного бюрократа и работника в партийно-бюрократических государствах Восточного блока.

Однако, при развитом капитализме ("и эта видимость обольщает демократию", - пишет он, как бы говоря о нынешней победе "демократии" над "коммунизмом") "узы личной зависимости, различия происхождения, образования и т.д. действительно подорваны и разорваны... кажется, будто индивиды независимо (эта независимость вообще есть только иллюзия, и ее правильнее было бы назвать

- 5 -

гг.") Бывшие заключенные Восточного блока сбросили свои цепи, но мир, который они обрели, оказался универсальной проституцией, о которой писал их официальный пророк. Этот мир мы, заключенные Западного блока, знаем слишком хорошо. "Мы их макдональдизируем", - заявил в интервью "Нью-Йорк Таймс" управляющий "Макдональдс", комментируя "культурное завоевание" Советского Союза и открытие своего ресторана в Москве.

Капитализм праздновал триумф. "Свободный мир" одержал победу. Восточный блок стал свободен, - его теперь можно свободно макдональдизировать.

В том же отрывке "Экономических рукописей" Маркс отметил, что в обществах с "неразвитыми" системами обмена (феодализм, традиционные или не имеющие письменности общества, а теперь к ним можно условно отнести и бюрократические коллективистские общества Восточного блока), люди вступают в общение друг с другом, будучи "заключенными" в строго определенные роли (и здесь он показал свою собственную несвободу от буржуазной идеологии прогресса в той степени, в какой рассматривал все отношения как строго определенные, несмотря на обоснованность альтернативы, которую он пытался предложить). Роли, о которых говорил Маркс, могут включать господина и вассала, или роли, определяемые родовыми отношениями, но, возможно, также партийного бюрократа и работника в партийно-бюрократических государствах Восточного блока.

Однако, при развитом капитализме ("и эта видимость обольщает демократию", - пишет он, как бы говоря о нынешней победе "демократии" над "коммунизмом") "узы личной зависимости, различия происхождения, образования и т.д. действительно подорваны и разорваны... кажется, будто индивиды независимо (эта независимость вообще есть только иллюзия, и ее правильнее было бы назвать

- 5 -

безразличием в смысле индифферентности), свободно сталкиваются друг с другом и обмениваются друг с другом в рамках этой свободы, но такими они кажутся лишь тому, кто абстрагируется от тех условий, тех условий существования,... при которых эти индивиды вступают в соприкосновение друг с другом..." То есть, говоря на языке капитализма, ничего бесплатного не бывает; свобода, обещанная капитализмом, тоже имеет свою скрытую цену. Сами "свободные отношения" определяются диктатурой, более сложной по своей сути, чем та, какой государственно-коллективистские диктатуры когда-либо могли стать.

"Отдельное лицо может случайно с ними справиться," - продолжает Маркс (и нам на ум приходят многочисленные бывшие функционеры из коммунистической бюрократии, которые теперь становятся новыми капиталистами), - "но не масса, закабаленных ими людей, ибо само существование такой массы выражает подчинение, и притом неизбежное подчинение индивидов этим отношениям". Иначе говоря, макдональдизация требует низкооплачиваемых чернорабочих, если подразумевается существование инвесторов, получающих высокие прибыли. Все не могут быть богатыми. Капитализму нужна колония, и кто-то должен ею стать.

Когда исследователь Дэвид Лемперт спросил советского экономиста, какими экономическими правами и защитой от эксплуатации будут пользоваться те, у кого нет собственного капитала, после перехода к "свободному рынку", он услышал в ответ: "У них будет право на труд. Право работать на тех, у кого есть капитал". В Ленинграде, ныне Санкт-Петербурге, была создана "свободная экономическая зона" с тем, чтобы, говоря словами одного из депутатов горсовета, превратить его в город "как Мехико". Студент юридического факультета, продолжает Лемперт, сформулировал это еще более

- 6 -

безразличием в смысле индифферентности), свободно сталкиваются друг с другом и обмениваются друг с другом в рамках этой свободы, но такими они кажутся лишь тому, кто абстрагируется от тех условий, тех условий существования,... при которых эти индивиды вступают в соприкосновение друг с другом..." То есть, говоря на языке капитализма, ничего бесплатного не бывает; свобода, обещанная капитализмом, тоже имеет свою скрытую цену. Сами "свободные отношения" определяются диктатурой, более сложной по своей сути, чем та, какой государственно-коллективистские диктатуры когда-либо могли стать.

"Отдельное лицо может случайно с ними справиться," - продолжает Маркс (и нам на ум приходят многочисленные бывшие функционеры из коммунистической бюрократии, которые теперь становятся новыми капиталистами), - "но не масса, закабаленных ими людей, ибо само существование такой массы выражает подчинение, и притом неизбежное подчинение индивидов этим отношениям". Иначе говоря, макдональдизация требует низкооплачиваемых чернорабочих, если подразумевается существование инвесторов, получающих высокие прибыли. Все не могут быть богатыми. Капитализму нужна колония, и кто-то должен ею стать.

Когда исследователь Дэвид Лемперт спросил советского экономиста, какими экономическими правами и защитой от эксплуатации будут пользоваться те, у кого нет собственного капитала, после перехода к "свободному рынку", он услышал в ответ: "У них будет право на труд. Право работать на тех, у кого есть капитал". В Ленинграде, ныне Санкт-Петербурге, была создана "свободная экономическая зона" с тем, чтобы, говоря словами одного из депутатов горсовета, превратить его в город "как Мехико". Студент юридического факультета, продолжает Лемперт, сформулировал это еще более

- 6 -

The Collapse of Complex Societies.)

Тем не менее мы можем согласиться с Тэйнтеном, что в мегамашинах необходимые затраты идут на "все увеличивающуюся бюрократию, решение постоянно возникающих организационных проблем, все возрастающие затраты на внутренний контроль и внешнюю защиту. Все это достигается с помощью все увеличивающихся затрат на обеспечение поддержки со стороны населения, что зачастую не приносит никаких результатов." По мере того, как затраты возрастают, "прибылочный продукт начинает уменьшаться... Все больший рост затрат приносит все меньший прирост... На этой стадии сложно организованное общество достигает фазы, когда оно становится очень уязвимым, подверженным распаду..."

В свете вышесказанного, трудно не вспомнить распад советского бюрократического деспотизма. При тоталитарном режиме, где в соответствии с катехизисом, всякая кухарка может править государством, государство вторглось на кухню каждой кухарки. Поддержание государственного управления становилось все более дорогостоящим, организационно и финансово, пока оно вовсе не потеряло смысл. Действовал своеобразный принцип энтропии: чем больше циклов проходила машина, тем более неуклюжей она становилась и тем больше энергии уходило на поддержание ее работы. По мере того, как возврат сокращается, общество, работающее как машина, ломается.

Тэйнтен рассматривает распад в качестве пути, которым общество пытается создать некую видимость преемственности на более низком уровне: что-то вроде заключительной главы в популярном учебнике по бизнесу, в которой описывается процедура банкротства. Цивилизация вынуждена сокращать свои потери и размеры. "Общества разрушаются, когда стресс диктует необходимость некоторых организационных изменений." В ситуации, когда прибавочный продукт продолжает

- 51 -

The Collapse of Complex Societies.)

Тем не менее мы можем согласиться с Тэйнтеном, что в мегамашинах необходимые затраты идут на "все увеличивающуюся бюрократию, решение постоянно возникающих организационных проблем, все возрастающие затраты на внутренний контроль и внешнюю защиту. Все это достигается с помощью все увеличивающихся затрат на обеспечение поддержки со стороны населения, что зачастую не приносит никаких результатов." По мере того, как затраты возрастают, "прибылочный продукт начинает уменьшаться... Все больший рост затрат приносит все меньший прирост... На этой стадии сложно организованное общество достигает фазы, когда оно становится очень уязвимым, подверженным распаду..."

В свете вышесказанного, трудно не вспомнить распад советского бюрократического деспотизма. При тоталитарном режиме, где в соответствии с катехизисом, всякая кухарка может править государством, государство вторглось на кухню каждой кухарки. Поддержание государственного управления становилось все более дорогостоящим, организационно и финансово, пока оно вовсе не потеряло смысл. Действовал своеобразный принцип энтропии: чем больше циклов проходила машина, тем более неуклюжей она становилась и тем больше энергии уходило на поддержание ее работы. По мере того, как возврат сокращается, общество, работающее как машина, ломается.

Тэйнтен рассматривает распад в качестве пути, которым общество пытается создать некую видимость преемственности на более низком уровне: что-то вроде заключительной главы в популярном учебнике по бизнесу, в которой описывается процедура банкротства. Цивилизация вынуждена сокращать свои потери и размеры. "Общества разрушаются, когда стресс диктует необходимость некоторых организационных изменений." В ситуации, когда прибавочный продукт продолжает

- 51 -

к анархии", быть может, действительно единственное, что может помешать установлению фашизма, и если это отразится на США, то пускай все правители висят на одной веревке. Может быть, точно так же, как 1991 год навсегда вошел в историю как год Падения Коммунизма, 1992 год войдет в историю, как год начала Падения Капитализма.

Можно ли рассматривать Советский Союз в качестве барана-вожака с колокольчиком, возвещающего кризис развития и банкротство индустриализма в мировом масштабе? Какие значимые выводы мы можем почерпнуть из разложения современной цивилизации?

Витфогель говорит о "законе уменьшающегося административного возврата", который, кажется, подходит как к государственно-социалистическому блоку, так и к различным формам "азиатского деспотизма", с которыми он его сравнивает. В подобных деспотических империях существует тенденция к равным "или даже меньшим, чем затраты усилий, результатам... Нисходящее движение завершается, когда дополнительные издержки не приносят каких-либо дополнительных выгод. Это значит, что мы достигли точки абсолютной административной фрустрации."

В своей последней работе "Крушение сложных обществ" Джозеф Тэйнтнер попытался развить это положение в сравнительную критику распада древних цивилизаций и других сложных обществ в истории. В рассмотрении Тэйнтнера есть довольно проблематичные аспекты, например, оно исключительно детерминистское и экономистическое, но, тем не менее, его исследование провокаторски не дает покоя всем тем, кто размышляет о мегатехнической цивилизации. "Социополитические организации, - пишет Тэйнтнер, - постоянно сталкиваются с проблемами, решение которых требует дополнительных затрат только для того, чтобы сохранять статус кво." (Обратите внимание на экономический язык автора.) (J.Tainter,

- 50 -

к анархии", быть может, действительно единственное, что может помешать установлению фашизма, и если это отразится на США, то пускай все правители висят на одной веревке. Может быть, точно так же, как 1991 год навсегда вошел в историю как год Падения Коммунизма, 1992 год войдет в историю, как год начала Падения Капитализма.

Можно ли рассматривать Советский Союз в качестве барана-вожака с колокольчиком, возвещающего кризис развития и банкротство индустриализма в мировом масштабе? Какие значимые выводы мы можем почерпнуть из разложения современной цивилизации?

Витфогель говорит о "законе уменьшающегося административного возврата", который, кажется, подходит как к государственно-социалистическому блоку, так и к различным формам "азиатского деспотизма", с которыми он его сравнивает. В подобных деспотических империях существует тенденция к равным "или даже меньшим, чем затраты усилий, результатам... Нисходящее движение завершается, когда дополнительные издержки не приносят каких-либо дополнительных выгод. Это значит, что мы достигли точки абсолютной административной фрустрации."

В своей последней работе "Крушение сложных обществ" Джозеф Тэйнтнер попытался развить это положение в сравнительную критику распада древних цивилизаций и других сложных обществ в истории. В рассмотрении Тэйнтнера есть довольно проблематичные аспекты, например, оно исключительно детерминистское и экономистическое, но, тем не менее, его исследование провокаторски не дает покоя всем тем, кто размышляет о мегатехнической цивилизации. "Социополитические организации, - пишет Тэйнтнер, - постоянно сталкиваются с проблемами, решение которых требует дополнительных затрат только для того, чтобы сохранять статус кво." (Обратите внимание на экономический язык автора.) (J.Tainter,

- 50 -

прямолинейно. "Нас не интересуют идеи демократии", - сказал тот. - "Нам нужно есть. Помогите нам выучить английский, чтобы мы могли работать на совместных предприятиях". ("Soviet Sellout"/Mother Jones, Sept.-Oct. 1991)

Владелец киоска мечтает о большом супермаркете и говорит иностранцу: "Мы должны постепенно расти, с неудачами и прогрессом, чтобы через 10-15 лет дорасти до ваших колен". Это показывает, что в бывшей могущественной империи развивается не только дух предпринимательства, но также зависть и чувство неполноценности, воспитываемое колониализмом. (The New York Times, 24.1.92)

"Это неизбежно", - шептал Лемперту редактор газеты. "Мы превращаемся в колонию". А старый сибиряк восклицал: "Будем продавать леса. Будем продавать ископаемые. Пусть Запад возьмет все, что ему надо. Пусть они придут и дадут нам то, с чем мы можем начать". Конечно, Запад с радостью даст им все, что нужно... чтобы стать как Мехико.

2

Театр, подобно чуме... распутывает конфликты, он высвобождает силы, он создает возможности, и если эти возможности и эти силы черны, - виноваты тут не чума или театр, но сама жизнь.

Антонен Арто

Империя в беспорядке, памятники покачнулись в вихре истории и рухнули. Радостная толпа разбивает статуи выдающихся палачей. Безоружные люди встают против танков, и танки отступают. Может быть, империя действительно рушится, теперь есть только вихрь, опасный и пьянящий.

Люди победили диктаторов на улицах городов Восточного блока, пусть ненадолго. Их великий отказ моментально парализовал государство-гулаг, хотя и не сломал его хребет.

Как и почему события развернулись подобным образом, а не как-нибудь иначе, останется

- 7 -

прямолинейно. "Нас не интересуют идеи демократии", - сказал тот. - "Нам нужно есть. Помогите нам выучить английский, чтобы мы могли работать на совместных предприятиях". ("Soviet Sellout"/Mother Jones, Sept.-Oct. 1991)

Владелец киоска мечтает о большом супермаркете и говорит иностранцу: "Мы должны постепенно расти, с неудачами и прогрессом, чтобы через 10-15 лет дорасти до ваших колен". Это показывает, что в бывшей могущественной империи развивается не только дух предпринимательства, но также зависть и чувство неполноценности, воспитываемое колониализмом. (The New York Times, 24.1.92)

"Это неизбежно", - шептал Лемперту редактор газеты. "Мы превращаемся в колонию". А старый сибиряк восклицал: "Будем продавать леса. Будем продавать ископаемые. Пусть Запад возьмет все, что ему надо. Пусть они придут и дадут нам то, с чем мы можем начать". Конечно, Запад с радостью даст им все, что нужно... чтобы стать как Мехико.

2

Театр, подобно чуме... распутывает конфликты, он высвобождает силы, он создает возможности, и если эти возможности и эти силы черны, - виноваты тут не чума или театр, но сама жизнь.

Антонен Арто

Империя в беспорядке, памятники покачнулись в вихре истории и рухнули. Радостная толпа разбивает статуи выдающихся палачей. Безоружные люди встают против танков, и танки отступают. Может быть, империя действительно рушится, теперь есть только вихрь, опасный и пьянящий.

Люди победили диктаторов на улицах городов Восточного блока, пусть ненадолго. Их великий отказ моментально парализовал государство-гулаг, хотя и не сломал его хребет.

Как и почему события развернулись подобным образом, а не как-нибудь иначе, останется

- 7 -

гипотетическим вопросом. Сочетание различных элементов, кажется, создало то, чего не мог создать каждый из них в отдельности. Налицо восстание низов, "контрреволюция" извне, дворцовый переворот в верхах и всеобщий экономический кризис. Все эти аспекты переплетены между собой, и ни один не может быть отделен от остальных. Все вместе они превращают ситуацию во множественность уникальных несоизмеримых ситуаций - географических, культурных и политических, - что объясняет, почему ни одна из сил в бывших обществах Восточного блока не может еще связно ответить на эти изменения.

Народная революция, совпавшая с национальным крахом, вызревала на протяжении десятилетий, поколений. Вопреки фантазиям правых западных академиков (некоторые из них в прошлом левые), даже советский тоталитаризм не мог достичь состояния кошмарного в своей абсолютности и нерушимости монолита.

Как отмечает историк Джеффри Хоскинг, древние формы взаимопомощи традиционной общины (мира) и кооперативов, созданные крестьянами, поселившимися в городах (артели), были корнями новых форм объединений во время недавних восстаний, демонстрируя тем самым "необычайную способность создавать ориентированные на человека и действующие на низовом уровне институты в крайне неблагоприятных обстоятельствах". Он считает, что местные рабочие группы, интеллектuality и маргиналы, создавшие контркультурную оппозицию, уходят корнями в девятнадцатый век; "традиции крестьянства и интеллигенции... лежат в основе тех форм общины, которые сохранились и в современном Советском Союзе". (G.Hosking, *The Awakening of the Soviet Union*, 1991; Peter Reddaway "The End of the Empire", *The New York Review of Books*, 7.11.91)

Даже проблемы инфраструктуры и экономики, по крайней мере отчасти, являются результатом

- 4 -

гипотетическим вопросом. Сочетание различных элементов, кажется, создало то, чего не мог создать каждый из них в отдельности. Налицо восстание низов, "контрреволюция" извне, дворцовый переворот в верхах и всеобщий экономический кризис. Все эти аспекты переплетены между собой, и ни один не может быть отделен от остальных. Все вместе они превращают ситуацию во множественность уникальных несоизмеримых ситуаций - географических, культурных и политических, - что объясняет, почему ни одна из сил в бывших обществах Восточного блока не может еще связно ответить на эти изменения.

Народная революция, совпавшая с национальным крахом, вызревала на протяжении десятилетий, поколений. Вопреки фантазиям правых западных академиков (некоторые из них в прошлом левые), даже советский тоталитаризм не мог достичь состояния кошмарного в своей абсолютности и нерушимости монолита.

Как отмечает историк Джеффри Хоскинг, древние формы взаимопомощи традиционной общины (мира) и кооперативов, созданные крестьянами, поселившимися в городах (артели), были корнями новых форм объединений во время недавних восстаний, демонстрируя тем самым "необычайную способность создавать ориентированные на человека и действующие на низовом уровне институты в крайне неблагоприятных обстоятельствах". Он считает, что местные рабочие группы, интеллектuality и маргиналы, создавшие контркультурную оппозицию, уходят корнями в девятнадцатый век; "традиции крестьянства и интеллигенции... лежат в основе тех форм общины, которые сохранились и в современном Советском Союзе". (G.Hosking, *The Awakening of the Soviet Union*, 1991; Peter Reddaway "The End of the Empire", *The New York Review of Books*, 7.11.91)

Даже проблемы инфраструктуры и экономики, по крайней мере отчасти, являются результатом

- 4 -

Когда я пишу заключительную часть этого очерка в середине февраля (1992 года - прим. перев.), Россия и Украина продолжают пререкаться по поводу того, кто будет контролировать вооруженные силы. "Тюрьма народов", которой была царская Россия, а затем Советский Союз, разваливается, но национализм и стычки между различными группировками продолжают нарастать. Забывая о том, что все национальные государства по определению являются тюрьмами, люди хватаются за эту соломинку, обвиняя своих соседей в несчастьях, которыми сопровождается пост-имперский хаос.

Теперь можно увидеть, как люди продают свои вещи на улицах, чтобы получить деньги на пропитание. (Они "прекрасно разбираются в частном предпринимательстве", пишет один западный консультант.) Неужели они сбросили сталинскую тиранию, чтобы стать еще одной Мексикой или Бразилией? По крайней мере, они еще не стали ею. Они не прекратили сопротивляться.

Падет ли бывшая советская империя медленно, как Византия, без гражданской войны с применением ядерного оружия и тому подобных ужасов? Никто не может дать ответ на этот вопрос. Ситуация кажется ужасной. Но все же взаимопомощь, солидарность и сопротивление смогли возродиться, несмотря на то, что сталинизм подавлял их на протяжении десятилетий, и они вряд ли исчезнут сейчас.

Антропологическая критика, опирающаяся на рассмотрение советской системы как империи-мегамашины, позволяет делать сравнения с другими подобными ей системами. Даже пока еще частичный распад советской системы оказывает влияние на западные общества. И, конечно, правящие классы понимают это. Государственный секретарь США Джеймс Бейкер заявил в свое время, что "мы связаны одной веревкой, поэтому скатывание Советского Союза к фашизму или анархии, потянет за собой и Запад". (*The New York Times*, 13.12.91.) "Скатывание

- 49 -

Когда я пишу заключительную часть этого очерка в середине февраля (1992 года - прим. перев.), Россия и Украина продолжают пререкаться по поводу того, кто будет контролировать вооруженные силы. "Тюрьма народов", которой была царская Россия, а затем Советский Союз, разваливается, но национализм и стычки между различными группировками продолжают нарастать. Забывая о том, что все национальные государства по определению являются тюрьмами, люди хватаются за эту соломинку, обвиняя своих соседей в несчастьях, которыми сопровождается пост-имперский хаос.

Теперь можно увидеть, как люди продают свои вещи на улицах, чтобы получить деньги на пропитание. (Они "прекрасно разбираются в частном предпринимательстве", пишет один западный консультант.) Неужели они сбросили сталинскую тиранию, чтобы стать еще одной Мексикой или Бразилией? По крайней мере, они еще не стали ею. Они не прекратили сопротивляться.

Падет ли бывшая советская империя медленно, как Византия, без гражданской войны с применением ядерного оружия и тому подобных ужасов? Никто не может дать ответ на этот вопрос. Ситуация кажется ужасной. Но все же взаимопомощь, солидарность и сопротивление смогли возродиться, несмотря на то, что сталинизм подавлял их на протяжении десятилетий, и они вряд ли исчезнут сейчас.

Антропологическая критика, опирающаяся на рассмотрение советской системы как империи-мегамашины, позволяет делать сравнения с другими подобными ей системами. Даже пока еще частичный распад советской системы оказывает влияние на западные общества. И, конечно, правящие классы понимают это. Государственный секретарь США Джеймс Бейкер заявил в свое время, что "мы связаны одной веревкой, поэтому скатывание Советского Союза к фашизму или анархии, потянет за собой и Запад". (*The New York Times*, 13.12.91.) "Скатывание

- 49 -

технологической," - пишет Эллюль. Но он не замечает того, что и технология, и капитал наперегонки перерастают свои границы, и ни та, ни другой не поглощают друг друга окончательно. Капитал, на самом деле, всегда был гибридом, - в частности, в ранние периоды своего развития гибридом меркантильного индустриализма и работорговли.

Современный капитализм в той же мере является синкретическим гибридом, поскольку он не только никогда не уничтожил иррациональностей и дикости предшествовавших ему иерархических классовых обществ, но осовременил их и включил в свою структуру. Ни одну из форм рабства он не оставил позади, все они существуют бок о бок во взаимопроникающих, противоречивых, но в то же время работающих агломератах - все, начиная от потогонных электронных фабрик Юго-Восточной Азии, военных лабораторий полуфеодалных теократических мусульманских государств и кончая американскими государственными плановыми комитетами, заботящимися об интересах частных корпораций. Все это - капитализм, с людьми в костюмах или в военной форме наверху, которые разворачивают планетарную катастрофу в своей безумной гонке за властью и имперской славой.

И везде они сжигают амазонские леса, везде расстреливают индейцев-кампесинов, везде устраивают ковровые бомбардировки Басры и новые гولاги, вызывают бхопальские трагедии и умертвляют живой дух. А люди сражаются, но по большей части друг с другом, проливая кровь под флагами своих маленьких мафий, возглавляемых людьми в костюмах или военной форме. Наш животный вид не находит выхода из этого лабиринта.

6

*Всякий раз, когда история повторяется,
цена неизменно возрастает.
Народная мудрость*

- 48 -

технологической," - пишет Эллюль. Но он не замечает того, что и технология, и капитал наперегонки перерастают свои границы, и ни та, ни другой не поглощают друг друга окончательно. Капитал, на самом деле, всегда был гибридом, - в частности, в ранние периоды своего развития гибридом меркантильного индустриализма и работорговли.

Современный капитализм в той же мере является синкретическим гибридом, поскольку он не только никогда не уничтожил иррациональностей и дикости предшествовавших ему иерархических классовых обществ, но осовременил их и включил в свою структуру. Ни одну из форм рабства он не оставил позади, все они существуют бок о бок во взаимопроникающих, противоречивых, но в то же время работающих агломератах - все, начиная от потогонных электронных фабрик Юго-Восточной Азии, военных лабораторий полуфеодалных теократических мусульманских государств и кончая американскими государственными плановыми комитетами, заботящимися об интересах частных корпораций. Все это - капитализм, с людьми в костюмах или в военной форме наверху, которые разворачивают планетарную катастрофу в своей безумной гонке за властью и имперской славой.

И везде они сжигают амазонские леса, везде расстреливают индейцев-кампесинов, везде устраивают ковровые бомбардировки Басры и новые гولاги, вызывают бхопальские трагедии и умертвляют живой дух. А люди сражаются, но по большей части друг с другом, проливая кровь под флагами своих маленьких мафий, возглавляемых людьми в костюмах или военной форме. Наш животный вид не находит выхода из этого лабиринта.

6

*Всякий раз, когда история повторяется,
цена неизменно возрастает.
Народная мудрость*

- 48 -

сопротивления работе, отказа работать, а не просто неудачей "социализма" или бюрократии. (В военно-промышленном и космическом комплексе, где подобный отказ мог бы привести к более строгим наказаниям и репрессиям, машина работала достаточно эффективно. Неэффективность гражданских отраслей стала формой пассивного саботажа или классовой войны, частью негласного общественного договора, неизбежной ответной реакцией общества.)

В обществе в целом население медленно, но неумолимо жало на тормоза; когда это соединилось с определенным недостатком воли со стороны правящей элиты, власть начала разваливаться. Возможно, даже репрессии перестали действовать столь же эффективно, как раньше. Это можно отнести к аспекту кастовой или классовой борьбы, еще более обострившейся с войной в Афганистане и сопутствовавшим ей ростом контркультурного движения против войны, за ядерное разоружение, экологическую справедливость, свободу слова, демократию и культурную автономию (включая националистические движения за независимость). Многие представители западных стран отмечали схожесть движений в СССР в восьмидесятые годы и в США в шестидесятые. Развал власти был одновременно причиной и следствием советского "афганского синдрома".

В результате возник своего рода осторожный отказ на одном силовом полюсе и недостаток воли на другом, которые зачастую усиливали друг друга. Недостаток решимости одной из сторон ободрял другую. Никто не мог себе представить куда все это приведет, хотя диссидентам - людям, которые просто хотели знать куда, например, делся дядя Ваня после того, как он попал в руки "рабочего государства" - верила достаточно большая часть населения. Люди совершали свои личные и коллективные акты отказа без ясных определенных целей, менее всего желая создать корпоративный капитализм западного

- 9 -

сопротивления работе, отказа работать, а не просто неудачей "социализма" или бюрократии. (В военно-промышленном и космическом комплексе, где подобный отказ мог бы привести к более строгим наказаниям и репрессиям, машина работала достаточно эффективно. Неэффективность гражданских отраслей стала формой пассивного саботажа или классовой войны, частью негласного общественного договора, неизбежной ответной реакцией общества.)

В обществе в целом население медленно, но неумолимо жало на тормоза; когда это соединилось с определенным недостатком воли со стороны правящей элиты, власть начала разваливаться. Возможно, даже репрессии перестали действовать столь же эффективно, как раньше. Это можно отнести к аспекту кастовой или классовой борьбы, еще более обострившейся с войной в Афганистане и сопутствовавшим ей ростом контркультурного движения против войны, за ядерное разоружение, экологическую справедливость, свободу слова, демократию и культурную автономию (включая националистические движения за независимость). Многие представители западных стран отмечали схожесть движений в СССР в восьмидесятые годы и в США в шестидесятые. Развал власти был одновременно причиной и следствием советского "афганского синдрома".

В результате возник своего рода осторожный отказ на одном силовом полюсе и недостаток воли на другом, которые зачастую усиливали друг друга. Недостаток решимости одной из сторон ободрял другую. Никто не мог себе представить куда все это приведет, хотя диссидентам - людям, которые просто хотели знать куда, например, делся дядя Ваня после того, как он попал в руки "рабочего государства" - верила достаточно большая часть населения. Люди совершали свои личные и коллективные акты отказа без ясных определенных целей, менее всего желая создать корпоративный капитализм западного

- 9 -

образца. Они были более склонны к некоторому варианту "социализма с человеческим лицом". Они не выступали за какие-либо определенные программные изменения, скорее - просто против того, как власть и всеобщее рабство разрушали их собственную жизнь. Однажды заметив нерешительность властей, они больше не отступали.

Это, а не только преданность Наполеону-Ельцину, объясняет, почему люди (как бы мало их ни было) вышли к зданию парламента в августе 1991 года. Сценаристы путча были столь же заинтересованы в продолжении приватизации, как Ельцин и его банда - но только при сохранении собственной власти и привилегий. Они хотели сохранить существовавшее единство военно-промышленно-полицейского аппарата и были уверены в том, что грядущий союзный договор означает их гибель и дальнейший распад империи. Но было поздно: отказ распространился и в их рядах. Люди не слушались приказов. Среди тех, кто противостоял танкам, возможно, были и верные ельцинисты, но большинство людей должно быть просто хотело бороться против "старой гвардии" и за распад.

Многие попросту игнорировали и Ельцина, и путчистов. Рабочие, в большинстве своем не бастовали, и в нескольких кварталах от вооруженных столкновений люди жили своей обычной жизнью. (Некоторые семьи по очереди стояли в очередях за продуктами и на баррикадах.) В каком-то смысле это тоже отражало нежелание участвовать в политических играх. Ненависть и презрение ко всякого рода политикам - наиболее распространенное чувство среди населения.

Была, конечно, и значительная поддержка путча - реакция традиционалистов, желавших восстановления "закона и порядка". Среди них были не только русские националисты, носящие на митингах портреты Сталина, но и люди, которые видят, что условия их жизни стремительно

- 10 -

образца. Они были более склонны к некоторому варианту "социализма с человеческим лицом". Они не выступали за какие-либо определенные программные изменения, скорее - просто против того, как власть и всеобщее рабство разрушали их собственную жизнь. Однажды заметив нерешительность властей, они больше не отступали.

Это, а не только преданность Наполеону-Ельцину, объясняет, почему люди (как бы мало их ни было) вышли к зданию парламента в августе 1991 года. Сценаристы путча были столь же заинтересованы в продолжении приватизации, как Ельцин и его банда - но только при сохранении собственной власти и привилегий. Они хотели сохранить существовавшее единство военно-промышленно-полицейского аппарата и были уверены в том, что грядущий союзный договор означает их гибель и дальнейший распад империи. Но было поздно: отказ распространился и в их рядах. Люди не слушались приказов. Среди тех, кто противостоял танкам, возможно, были и верные ельцинисты, но большинство людей должно быть просто хотело бороться против "старой гвардии" и за распад.

Многие попросту игнорировали и Ельцина, и путчистов. Рабочие, в большинстве своем не бастовали, и в нескольких кварталах от вооруженных столкновений люди жили своей обычной жизнью. (Некоторые семьи по очереди стояли в очередях за продуктами и на баррикадах.) В каком-то смысле это тоже отражало нежелание участвовать в политических играх. Ненависть и презрение ко всякого рода политикам - наиболее распространенное чувство среди населения.

Была, конечно, и значительная поддержка путча - реакция традиционалистов, желавших восстановления "закона и порядка". Среди них были не только русские националисты, носящие на митингах портреты Сталина, но и люди, которые видят, что условия их жизни стремительно

- 10 -

количественному измерению как в общественном производстве (товарное общество), так и в самосознании (рационалистически-редукционистская наука), установив на обломках прошлого экономико-инструментальную цивилизацию. Называет ли подобная система себя капиталистической, социалистической, демократической или фашистской, ее сущность остается одинаковой - установление мегатехнической пирамиды работы для расширения империй (больших и маленьких мафий) через сведение природы и человеческих сообществ к маленьким архипелагам - зонам, приносимым в жертву или гулагам, из которых извлекается стоимость, вкладываемая в поддержание и расширение власти и иерархии.

"Ручная мельница дает вам общество с созерцанием во главе, паровая мельница - общество с промышленным капитализмом," - писал Маркс в "Нищете философии". Что тогда дает нам глобальное беличье колесо? Бюрократа, консультанта по вопросам развития, ученого, работающего в лаборатории, техника, рабочего, потребителя, батрака, голодного, никому не нужного бездомного. Деревню, превращенную в фабрику. Лес, превращенный в пробку на автомагистрали. Сердце, превратившееся в телевизор. Гору, ставшую кучей токсичных отходов.

Капитализм создал технологическую систему, которая, в свою очередь, дала новое содержание капитализму. Как писал Жак Эллуль, "то, что экспортируется во все страны мира, это в действительности не машины, а то, что составляет ансамбль технологического мира, - то, что является одновременно необходимостью, если мы хотим использовать эти машины, и следствием скопления машин. Это образ жизни, набор символов, идеология." (J.Ellul, The Technological System, New York, 1980.)

"Капиталистическая система была поглощена

- 47 -

количественному измерению как в общественном производстве (товарное общество), так и в самосознании (рационалистически-редукционистская наука), установив на обломках прошлого экономико-инструментальную цивилизацию. Называет ли подобная система себя капиталистической, социалистической, демократической или фашистской, ее сущность остается одинаковой - установление мегатехнической пирамиды работы для расширения империй (больших и маленьких мафий) через сведение природы и человеческих сообществ к маленьким архипелагам - зонам, приносимым в жертву или гулагам, из которых извлекается стоимость, вкладываемая в поддержание и расширение власти и иерархии.

"Ручная мельница дает вам общество с созерцанием во главе, паровая мельница - общество с промышленным капитализмом," - писал Маркс в "Нищете философии". Что тогда дает нам глобальное беличье колесо? Бюрократа, консультанта по вопросам развития, ученого, работающего в лаборатории, техника, рабочего, потребителя, батрака, голодного, никому не нужного бездомного. Деревню, превращенную в фабрику. Лес, превращенный в пробку на автомагистрали. Сердце, превратившееся в телевизор. Гору, ставшую кучей токсичных отходов.

Капитализм создал технологическую систему, которая, в свою очередь, дала новое содержание капитализму. Как писал Жак Эллуль, "то, что экспортируется во все страны мира, это в действительности не машины, а то, что составляет ансамбль технологического мира, - то, что является одновременно необходимостью, если мы хотим использовать эти машины, и следствием скопления машин. Это образ жизни, набор символов, идеология." (J.Ellul, The Technological System, New York, 1980.)

"Капиталистическая система была поглощена

- 47 -

...те, которые основываются на потреблении, становятся внутренними и потому их труднее сбросить". Берлинская стена упала тогда, когда она уже в определенном смысле не сдерживала никого и ничего. Границы были стерты, и бюрократический бегемот развалился.

Хотя Ленин и писал, что социализм это "Советская власть плюс электрификация", он сделал приоритетом именно электрификацию. И в конечном счете, электрификация и все, что с ней связано, - массовое производство и потребление энергии и полезных ископаемых, технократическое планирование, токсичные отходы, отчужденный и частичный труд, иерархические вертикальные структуры управления и зависимость общества от массового производства энергии, - одержали верх.

Так же, как социализм нужно рассматривать, как механизм возникновения капитализма, капитализм нужно рассматривать как механизм возникновения массовой мегатехнической цивилизации, ядерно-кибернетически-топливной мегамашины, которая везде демонстрирует отличную приспособляемость к частному корпоративному капитализму, бюрократическим государственным системам и даже рабочим советам (и которая работает лучше всего в системе, сочетающей в себе все эти три компонента). Практически никто не ставит под сомнение эту квазирелигиозную идеологию эпохи, идеологию широкомасштабного технологического развития. И никому (за очень редкими исключениями) не удавалось остановить ее продвижение, пусть даже на короткое время.

Бессмысленно рассматривать капитализм лишь в терминах рынков и форм собственности, как это делают многие наивные люди. Это культура и способ существования. Эта культура связана с насилием и отчуждением, разрушившими традиционные общества, общины и их органичный одухотворенный микрокосмос. Завоевания и разграбление свели эту многоликую и многомерную вселенную к чисто

- 46 -

...те, которые основываются на потреблении, становятся внутренними и потому их труднее сбросить". Берлинская стена упала тогда, когда она уже в определенном смысле не сдерживала никого и ничего. Границы были стерты, и бюрократический бегемот развалился.

Хотя Ленин и писал, что социализм это "Советская власть плюс электрификация", он сделал приоритетом именно электрификацию. И в конечном счете, электрификация и все, что с ней связано, - массовое производство и потребление энергии и полезных ископаемых, технократическое планирование, токсичные отходы, отчужденный и частичный труд, иерархические вертикальные структуры управления и зависимость общества от массового производства энергии, - одержали верх.

Так же, как социализм нужно рассматривать, как механизм возникновения капитализма, капитализм нужно рассматривать как механизм возникновения массовой мегатехнической цивилизации, ядерно-кибернетически-топливной мегамашины, которая везде демонстрирует отличную приспособляемость к частному корпоративному капитализму, бюрократическим государственным системам и даже рабочим советам (и которая работает лучше всего в системе, сочетающей в себе все эти три компонента). Практически никто не ставит под сомнение эту квазирелигиозную идеологию эпохи, идеологию широкомасштабного технологического развития. И никому (за очень редкими исключениями) не удавалось остановить ее продвижение, пусть даже на короткое время.

Бессмысленно рассматривать капитализм лишь в терминах рынков и форм собственности, как это делают многие наивные люди. Это культура и способ существования. Эта культура связана с насилием и отчуждением, разрушившими традиционные общества, общины и их органичный одухотворенный микрокосмос. Завоевания и разграбление свели эту многоликую и многомерную вселенную к чисто

- 46 -

ухудшаются, в то время как бывшие коммунистические бюрократы и прочие обогащаются за счет остального общества. Поскольку все сторонники репрессий, независимо от того, находятся они у власти или нет, больше всего на свете ненавидят "вакуум власти", они активно рекрутируют себе сторонников. Это относится ко всем, начиная от реорганизуемой компартии и других левых партий, до национальных и религиозных групп, фашистов, мафии и даже кришнаитов. Почти бесполезно искать следы присутствия тех сил, которые сыграли огромную роль в гуманизации общества и последовавших за этим изменений - например, экологических и миротворческих групп. Они не только по вполне понятным причинам не попадают на страницы западной прессы, но сам вихрь истории похоже оттеснил их на обочину.

Тем не менее, перемены в значительной степени отразили дворцовый переворот элиты. Видя возросшие трудности в продвижении по старому пути, часть сталинистской бюрократии предпочла не сопротивляться переменам. Для них было предпочтительнее столкнуться с переходом экономики к системе, более интегрированной в глобальный капитализм, но с ними во главе, чем разделить судьбу некоторых своих товарищей в Польше, Восточной Германии и Румынии. За этим последовало создание атмосферы всеобщего пиратства, в которой маленькие мафии являются лишь отражением больших, а продажа якобы общественной собственности совместным предприятиям и создание новых концернов преследуют цель сохранить власть и контроль в руках коммунистической бюрократии.

"Демократия" - это ключевое слово, означающее свободу макдональдизации. "Демократия" - это козырная карта в игре на большие ставки, чтобы удержать власть и привилегии. Вслед за Ельциным с его правыми тайными советниками-технократами,

- 11 -

ухудшаются, в то время как бывшие коммунистические бюрократы и прочие обогащаются за счет остального общества. Поскольку все сторонники репрессий, независимо от того, находятся они у власти или нет, больше всего на свете ненавидят "вакуум власти", они активно рекрутируют себе сторонников. Это относится ко всем, начиная от реорганизуемой компартии и других левых партий, до национальных и религиозных групп, фашистов, мафии и даже кришнаитов. Почти бесполезно искать следы присутствия тех сил, которые сыграли огромную роль в гуманизации общества и последовавших за этим изменений - например, экологических и миротворческих групп. Они не только по вполне понятным причинам не попадают на страницы западной прессы, но сам вихрь истории похоже оттеснил их на обочину.

Тем не менее, перемены в значительной степени отразили дворцовый переворот элиты. Видя возросшие трудности в продвижении по старому пути, часть сталинистской бюрократии предпочла не сопротивляться переменам. Для них было предпочтительнее столкнуться с переходом экономики к системе, более интегрированной в глобальный капитализм, но с ними во главе, чем разделить судьбу некоторых своих товарищей в Польше, Восточной Германии и Румынии. За этим последовало создание атмосферы всеобщего пиратства, в которой маленькие мафии являются лишь отражением больших, а продажа якобы общественной собственности совместным предприятиям и создание новых концернов преследуют цель сохранить власть и контроль в руках коммунистической бюрократии.

"Демократия" - это ключевое слово, означающее свободу макдональдизации. "Демократия" - это козырная карта в игре на большие ставки, чтобы удержать власть и привилегии. Вслед за Ельциным с его правыми тайными советниками-технократами,

- 11 -

все повторяют риторику "свободной рыночной демократии", достойную членов консервативного Ротарианского клуба. Распространено мнение о том, что только быстрый, 500-дневный переход к капитализму, столь же деликатный, как и сталинская коллективизация крестьянства, - своего рода "шоковая терапия", как ее окрестили в прессе, - сможет поставить бывшую империю в один ряд со всем остальным миром... то есть с Третьим миром и жестоким миром гетто американских городов. И все, начиная от Ельцина и кончая продавцом из коммерческого киоска, призывают население жертвовать ради этого латиноамериканского рая. Кто-то разбогатеет. Кто-то подхватит холеру. Это в конце концов то, что сделало Америку великой. Конфликт между Ельциным и Горбачевым, или между ними и незадачливыми августовскими заговорщиками, не был противостоянием тоталитарного социализма и демократии. Ельцин с самого начала был партийным бонзой, им он и остался. Он рассчитывает сохранить собственный военно-промышленно-полицейский аппарат, чтобы использовать его против своих противников на Украине и в Татарстане, и для подавления забастовок. Какое национальное государство обходится без этого? Все это ярко продемонстрировал проведенный им контр-путч, которым он управлял из своего кабинета в здании парламента, откуда он запрещал партии, закрывал газеты и брал на себя дополнительные полномочия, как и его противник Горбачев.

Путч и контр-путч на самом деле были борьбой между различными группировками элиты. Как заметил историк Джеймс Петрас, "реальный конфликт был и остается конфликтом между отмирающей патронажной машиной контроля, контролируемой партийными бюрократами, и нарождающимся классом профессионалов, ориентирующихся на превращение государства в машину для приватизации национальных богатств,

- 12 -

все повторяют риторику "свободной рыночной демократии", достойную членов консервативного Ротарианского клуба. Распространено мнение о том, что только быстрый, 500-дневный переход к капитализму, столь же деликатный, как и сталинская коллективизация крестьянства, - своего рода "шоковая терапия", как ее окрестили в прессе, - сможет поставить бывшую империю в один ряд со всем остальным миром... то есть с Третьим миром и жестоким миром гетто американских городов. И все, начиная от Ельцина и кончая продавцом из коммерческого киоска, призывают население жертвовать ради этого латиноамериканского рая. Кто-то разбогатеет. Кто-то подхватит холеру. Это в конце концов то, что сделало Америку великой. Конфликт между Ельциным и Горбачевым, или между ними и незадачливыми августовскими заговорщиками, не был противостоянием тоталитарного социализма и демократии. Ельцин с самого начала был партийным бонзой, им он и остался. Он рассчитывает сохранить собственный военно-промышленно-полицейский аппарат, чтобы использовать его против своих противников на Украине и в Татарстане, и для подавления забастовок. Какое национальное государство обходится без этого? Все это ярко продемонстрировал проведенный им контр-путч, которым он управлял из своего кабинета в здании парламента, откуда он запрещал партии, закрывал газеты и брал на себя дополнительные полномочия, как и его противник Горбачев.

Путч и контр-путч на самом деле были борьбой между различными группировками элиты. Как заметил историк Джеймс Петрас, "реальный конфликт был и остается конфликтом между отмирающей патронажной машиной контроля, контролируемой партийными бюрократами, и нарождающимся классом профессионалов, ориентирующихся на превращение государства в машину для приватизации национальных богатств,

- 12 -

Диснейленд.) Но капитализм никогда не мог (а капиталисты не хотели) сделать богатыми всех. Весь мир не может жить как горстка маленьких, относительно гуманных стран, вроде Швеции. Кто-то должен платить по счетам. Людям, которые в отчаянии приветствовали идею рынка, напомнили, что собственность была, есть и останется кражей.

В 1918 году большевик Карл Радек предупреждал, что если революция будет раздавлена своими врагами-капиталистами, она "восстанет из пепла как птица Феникс"; однако, если революция сама "потеряет свой социалистический характер и тем самым разочарует трудящиеся массы, этот удар будет иметь вдесятеро более тяжкие последствия для будущей русской и мировой революции". (Цит. по книге Бринтона.) Радек не мог себе представить, насколько пророческими окажутся его слова. В течение нескольких десятилетий советский социализм создал условия, в которых люди восстали, чтобы вернуть рыночный капитализм, который может свести их к нищенскому, полуголодному существованию, приведшему к социалистическому взрыву в царской России.

Международная контрреволюционная роль советского государства слишком хорошо известна, чтобы останавливаться на ней еще раз. В самом Восточном блоке, однако, дикая форма капитализма, построенного марксистско-ленинскими партиями, привела к возникновению необходимых условий для полной интеграции населения в глобальный капитализм и более совершенную мегамашину. Но партия, как пророк Моисей, не смогла последовать за своим народом в обетованную землю товарного производства. Государство оказалось лишним препятствием для плавного обращения и накопления стоимости.

Как писал Мамфорд, противопоставляя старую и новую мегамашины, "в то время как ранние способы достижения более высокой производительности и подчинения были в значительной степени внешними,

- 45 -

Диснейленд.) Но капитализм никогда не мог (а капиталисты не хотели) сделать богатыми всех. Весь мир не может жить как горстка маленьких, относительно гуманных стран, вроде Швеции. Кто-то должен платить по счетам. Людям, которые в отчаянии приветствовали идею рынка, напомнили, что собственность была, есть и останется кражей.

В 1918 году большевик Карл Радек предупреждал, что если революция будет раздавлена своими врагами-капиталистами, она "восстанет из пепла как птица Феникс"; однако, если революция сама "потеряет свой социалистический характер и тем самым разочарует трудящиеся массы, этот удар будет иметь вдесятеро более тяжкие последствия для будущей русской и мировой революции". (Цит. по книге Бринтона.) Радек не мог себе представить, насколько пророческими окажутся его слова. В течение нескольких десятилетий советский социализм создал условия, в которых люди восстали, чтобы вернуть рыночный капитализм, который может свести их к нищенскому, полуголодному существованию, приведшему к социалистическому взрыву в царской России.

Международная контрреволюционная роль советского государства слишком хорошо известна, чтобы останавливаться на ней еще раз. В самом Восточном блоке, однако, дикая форма капитализма, построенного марксистско-ленинскими партиями, привела к возникновению необходимых условий для полной интеграции населения в глобальный капитализм и более совершенную мегамашину. Но партия, как пророк Моисей, не смогла последовать за своим народом в обетованную землю товарного производства. Государство оказалось лишним препятствием для плавного обращения и накопления стоимости.

Как писал Мамфорд, противопоставляя старую и новую мегамашины, "в то время как ранние способы достижения более высокой производительности и подчинения были в значительной степени внешними,

- 45 -

выбросить за борт громоздкие и ненавистные символы старого режима, сохраняя при этом привилегии и власть, хотя бы на некоторое время. (В конце концов, никто не хотел кончить, как Чаушеску.) Они достигли полного взаимопонимания с Ай-Би-Эм-, Митцубиси- и Макдональдизацией, точно так же, как царские управляющие, государственные чиновники и офицеры, завербованные в свое время на сторону большевизма.

Неизвестно, сможет ли эта каста стать чем-то иным, кроме неокOLONиальной "люмпен-буржуазии", обогащающейся за счет выкачивания прибыли из новой зоны, приносимой в жертву, но другого сценария, вероятно, не предвидится. Капитал должен постоянно находить новые колонии и новые зоны, приносимые в жертву сверхэксплуатации. В бывшем Советском Союзе такими зонами будут Сибирь с ее лесами и нефтью, а также основные социальные институты (образование, медицинское обслуживание), которые социализм, несмотря на все свои ужасные преступления и схожесть с древними могущественными империями, все же обеспечивал. Люди в новом "содружестве" получили худшее из того, что существовало в двух мирах - систему, сочетающую в себе самые эффективные формы эксплуатации и подавления, заимствованные у сталинизма и тэтчеризма.

Все, наверное, слышали историю о русском эмигранте, который упал в обморок, посмотрев на компьютеризированный мегасупермаркет. Упал бы он в обморок при входе в детройтскую тюрьму, где голодные, бездомные люди выстраиваются в очередь в надежде провести ночь в камере, если там будет не очень много народу? На каждый мегасупермаркет приходится несметное число голодающих людей. Многие из тех, кто свергал созданное комиссарами государство и его монументы, двигались тем не менее в ритме, отстукиваемом хрущевским ботинком. (Хрущев, кстати, очень любил

- 44 -

выбросить за борт громоздкие и ненавистные символы старого режима, сохраняя при этом привилегии и власть, хотя бы на некоторое время. (В конце концов, никто не хотел кончить, как Чаушеску.) Они достигли полного взаимопонимания с Ай-Би-Эм-, Митцубиси- и Макдональдизацией, точно так же, как царские управляющие, государственные чиновники и офицеры, завербованные в свое время на сторону большевизма.

Неизвестно, сможет ли эта каста стать чем-то иным, кроме неокOLONиальной "люмпен-буржуазии", обогащающейся за счет выкачивания прибыли из новой зоны, приносимой в жертву, но другого сценария, вероятно, не предвидится. Капитал должен постоянно находить новые колонии и новые зоны, приносимые в жертву сверхэксплуатации. В бывшем Советском Союзе такими зонами будут Сибирь с ее лесами и нефтью, а также основные социальные институты (образование, медицинское обслуживание), которые социализм, несмотря на все свои ужасные преступления и схожесть с древними могущественными империями, все же обеспечивал. Люди в новом "содружестве" получили худшее из того, что существовало в двух мирах - систему, сочетающую в себе самые эффективные формы эксплуатации и подавления, заимствованные у сталинизма и тэтчеризма.

Все, наверное, слышали историю о русском эмигранте, который упал в обморок, посмотрев на компьютеризированный мегасупермаркет. Упал бы он в обморок при входе в детройтскую тюрьму, где голодные, бездомные люди выстраиваются в очередь в надежде провести ночь в камере, если там будет не очень много народу? На каждый мегасупермаркет приходится несметное число голодающих людей. Многие из тех, кто свергал созданное комиссарами государство и его монументы, двигались тем не менее в ритме, отстукиваемом хрущевским ботинком. (Хрущев, кстати, очень любил

- 44 -

обеспечивающую привилегии и льготы для владельцев частных предприятий, особенно зарубежных - в частности, за счет продажи огромного количества энергетических ресурсов".

Для большинства населения это будет означать "десятилетия жертв ради рынка" - не слишком заманчивая перспектива. "Проблема для рыночников состоит в том", - продолжает Петрас, - "что капиталисты не хотят делать долгосрочные инвестиции, которые могли бы реорганизовать экономику и заменить разлагающийся бюрократический аппарат. И до тех пор, пока правящая элита не будет иметь жесткого контроля над обществом, иностранные инвесторы будут делать крупные долгосрочные инвестиции лишь в некоторые стратегические секторы экономики. Результатом этого, вероятнее всего, станет экономический каннибализм, при котором каждый управленец возьмется лишь за свою часть дела, обрекая экономику в целом на состояние хаоса". ("Decades of Sacrifice for Free Market?", The Guardian, 11.9.91)

Националистические политики в республиках ничем не лучше. Например, в Узбекистане аппарат компартии, прочно держащий власть в своих руках, объявил о своем намерении следовать "китайской модели". В Грузии сейчас вообще не говорят об экономических реформах, поскольку там идет гражданская война, вызванная тем, что сначала президентом был избран национал-фашист, а потом его сбросили. Прибалтийские, украинские, русские и другие националисты угрожают друг другу в различных регионах, где люди разных национальностей долгое время жили относительно мирно. Поднимают голову антисемитизм и великорусский шовинизм. Призрак Югославии - Югославии с ядерными боеголовками, как зловеще охарактеризовал бывший СССР госсекретарь США Джеймс Бейкер, - витает над обществом. Даже Ельцин теряет опору по мере того, как набирает силу

- 13 -

обеспечивающую привилегии и льготы для владельцев частных предприятий, особенно зарубежных - в частности, за счет продажи огромного количества энергетических ресурсов".

Для большинства населения это будет означать "десятилетия жертв ради рынка" - не слишком заманчивая перспектива. "Проблема для рыночников состоит в том", - продолжает Петрас, - "что капиталисты не хотят делать долгосрочные инвестиции, которые могли бы реорганизовать экономику и заменить разлагающийся бюрократический аппарат. И до тех пор, пока правящая элита не будет иметь жесткого контроля над обществом, иностранные инвесторы будут делать крупные долгосрочные инвестиции лишь в некоторые стратегические секторы экономики. Результатом этого, вероятнее всего, станет экономический каннибализм, при котором каждый управленец возьмется лишь за свою часть дела, обрекая экономику в целом на состояние хаоса". ("Decades of Sacrifice for Free Market?", The Guardian, 11.9.91)

Националистические политики в республиках ничем не лучше. Например, в Узбекистане аппарат компартии, прочно держащий власть в своих руках, объявил о своем намерении следовать "китайской модели". В Грузии сейчас вообще не говорят об экономических реформах, поскольку там идет гражданская война, вызванная тем, что сначала президентом был избран национал-фашист, а потом его сбросили. Прибалтийские, украинские, русские и другие националисты угрожают друг другу в различных регионах, где люди разных национальностей долгое время жили относительно мирно. Поднимают голову антисемитизм и великорусский шовинизм. Призрак Югославии - Югославии с ядерными боеголовками, как зловеще охарактеризовал бывший СССР госсекретарь США Джеймс Бейкер, - витает над обществом. Даже Ельцин теряет опору по мере того, как набирает силу

- 13 -

фашизм, а военные выказывают свое нетерпение.

А поскольку общественный хаос и сопротивление угрожают плавному переходу к статусу колонии, многие будут приветствовать военный переворот - в особенности русские националисты и некоторые управленцы, которые выступают за приватизацию "железной руки", обещанную августовской хунтой. Как писал один обозреватель в "Правде" в начале января (1992 г. - перев.), если недавно сформированные левые партии, заявляющие о том, что они представляют интересы трудящихся, не смогут ограничить социальную нестабильность, вероятны два варианта - "всеразрушающий стихийный бунт низов или переход к фашистским методам правления верхов. Элементы обоих сценариев уже налицо".

"Центристский" военный переворот может быть поддержан не только различными элементами в бывшем советском обществе, но и западными правительствами, банкирами, военным командованием и политиками. В конце концов, как показал опыт, бизнес можно делать и с сильными личностями вроде Пиночета и Саддама Хусейна. Именно бизнес является приоритетом. Ни одна из группировок правящей элиты, - как на Востоке, так и на Западе, - не поддерживает идею о возвращении к временам, предшествовавшим распаду сталинской империи, несмотря на фантазии неудачников, ходящих на демонстрации с портретами Сталина и Ленина. Перестроившимся сталинистам нужен Запад, чтобы высунуть голову из засосавших их рыбьих пещер, потому что даже "всеразрушающий стихийный бунт низов" не сможет восстановить их индустриальную машину.

В интересах самого Запада поставить русских на ноги, пусть даже на уровне Мексики и Бразилии, где народные выступления происходят каждые две недели, а эксплуатация этих стран беспрепятственно продолжается. Как и во времена "холодной войны", когда противостоявшие блоки угрожали друг другу

- 14 -

комиссаров. Это идеология современного мира, Востока и Запада, левых и правых, и она подвергается последовательной критике только немногими диссидентами-маргиналами и аборигенами. Когда в 1960 году Никита Хрущев стул своим ботинком в ООН, обещая похоронить Запад, он говорил не об иной жизни за гранью товарной системы, а всего лишь о лучшем варианте последней - о своеобразном запуске спутника производства/потребления, который, принимая во внимание мощь противоборствовавших экономик и другие исторические факторы, неминуемо должен был рухнуть на землю.

"Промышленная революция была лишь началом другой революции, которая была гораздо более крайней и радикальной, чем те, что рождались в головах сектантов," - пишет Карл Полани. - "Новое учение было насквозь материалистичным и верило, что все проблемы человечества могут быть разрешены при наличии неограниченных материальных возможностей". Если оставить в стороне различия в системе распределения товаров, рассчитанных на удовлетворение растущих потребностей (в том числе и производственных), ни Маркс, ни системы, окрещенные его именем, не ставили под сомнение эти стремления. Таким образом, Советский Союз похоронил не Запад, а химеру индустриального социализма. Все более "отоваривавшееся" массовое общество, созданное государственно-социалистическими формами капитализма, имело тенденцию подрывать эти самые формы и те незначительные основы, которые они еще имели.

В мире, где господствует более могущественная западная экономика, технократия бывшего Восточного блока, уже усвоившая в качестве ценностей жадность, цинизм, иерархическое мышление и прагматический инструментализм, и неудовлетворенная часть населения принимают религию экономической наживы. Это было способом

- 43 -

фашизм, а военные выказывают свое нетерпение.

А поскольку общественный хаос и сопротивление угрожают плавному переходу к статусу колонии, многие будут приветствовать военный переворот - в особенности русские националисты и некоторые управленцы, которые выступают за приватизацию "железной руки", обещанную августовской хунтой. Как писал один обозреватель в "Правде" в начале января (1992 г. - перев.), если недавно сформированные левые партии, заявляющие о том, что они представляют интересы трудящихся, не смогут ограничить социальную нестабильность, вероятны два варианта - "всеразрушающий стихийный бунт низов или переход к фашистским методам правления верхов. Элементы обоих сценариев уже налицо".

"Центристский" военный переворот может быть поддержан не только различными элементами в бывшем советском обществе, но и западными правительствами, банкирами, военным командованием и политиками. В конце концов, как показал опыт, бизнес можно делать и с сильными личностями вроде Пиночета и Саддама Хусейна. Именно бизнес является приоритетом. Ни одна из группировок правящей элиты, - как на Востоке, так и на Западе, - не поддерживает идею о возвращении к временам, предшествовавшим распаду сталинской империи, несмотря на фантазии неудачников, ходящих на демонстрации с портретами Сталина и Ленина. Перестроившимся сталинистам нужен Запад, чтобы высунуть голову из засосавших их рыбьих пещер, потому что даже "всеразрушающий стихийный бунт низов" не сможет восстановить их индустриальную машину.

В интересах самого Запада поставить русских на ноги, пусть даже на уровне Мексики и Бразилии, где народные выступления происходят каждые две недели, а эксплуатация этих стран беспрепятственно продолжается. Как и во времена "холодной войны", когда противостоявшие блоки угрожали друг другу

- 14 -

комиссаров. Это идеология современного мира, Востока и Запада, левых и правых, и она подвергается последовательной критике только немногими диссидентами-маргиналами и аборигенами. Когда в 1960 году Никита Хрущев стул своим ботинком в ООН, обещая похоронить Запад, он говорил не об иной жизни за гранью товарной системы, а всего лишь о лучшем варианте последней - о своеобразном запуске спутника производства/потребления, который, принимая во внимание мощь противоборствовавших экономик и другие исторические факторы, неминуемо должен был рухнуть на землю.

"Промышленная революция была лишь началом другой революции, которая была гораздо более крайней и радикальной, чем те, что рождались в головах сектантов," - пишет Карл Полани. - "Новое учение было насквозь материалистичным и верило, что все проблемы человечества могут быть разрешены при наличии неограниченных материальных возможностей". Если оставить в стороне различия в системе распределения товаров, рассчитанных на удовлетворение растущих потребностей (в том числе и производственных), ни Маркс, ни системы, окрещенные его именем, не ставили под сомнение эти стремления. Таким образом, Советский Союз похоронил не Запад, а химеру индустриального социализма. Все более "отоваривавшееся" массовое общество, созданное государственно-социалистическими формами капитализма, имело тенденцию подрывать эти самые формы и те незначительные основы, которые они еще имели.

В мире, где господствует более могущественная западная экономика, технократия бывшего Восточного блока, уже усвоившая в качестве ценностей жадность, цинизм, иерархическое мышление и прагматический инструментализм, и неудовлетворенная часть населения принимают религию экономической наживы. Это было способом

- 43 -

экономику. "Если у капитализма есть что-то хорошее," - заявил он, - "то социализм должен взять это и использовать".)

Этот феномен в некотором роде был предвосхищен Карлом Марксом, хотя он и не мог предвидеть, что развитие событий будет именно таким. В своих "Экономических рукописях 1857-59 гг." он описывает капитал как перманентно-революционный: "...это означает тенденцию вызывать к жизни все больше прибавочного труда в качестве дополнения к самому себе; в сущности это означает тенденцию повсюду распространять основанное на капитале производство, или соответствующий капиталу способ производства. Тенденция к созданию мирового рынка дана непосредственно в самом понятии капитала. Всякий предел выступает как подлежащее преодолению ограничение".

Советский Союз появился в результате преодоления этих барьеров в манере, которую Маркс не смог предугадать (но которую замечательным образом предугадал Бакунин). Это было, говоря словами Маркса, результатом постоянного разрушения всех преград, которые мешают развитию производительных сил, расширению потребностей, многообразию производства, эксплуатации природных и духовных сил и обмену ими. Отнюдь не являясь примитивной фиксацией на буржуазных отношениях частной собственности марксово определение расширяющегося капитала предполагает более широкое определение этого феномена (диалектический взгляд, если хотите), которое рассматривало бы динамическое движение и эволюцию капитала - вот взгляд, необходимый при рассмотрении современного мира.

Стремление к промышленному росту и расширению потребностей, к эксплуатации и стоимостной оценке природы для последующего использования в процессе обмена одинаково характерны как для буржуазии, так и для

- 42 -

экономику. "Если у капитализма есть что-то хорошее," - заявил он, - "то социализм должен взять это и использовать".)

Этот феномен в некотором роде был предвосхищен Карлом Марксом, хотя он и не мог предвидеть, что развитие событий будет именно таким. В своих "Экономических рукописях 1857-59 гг." он описывает капитал как перманентно-революционный: "...это означает тенденцию вызывать к жизни все больше прибавочного труда в качестве дополнения к самому себе; в сущности это означает тенденцию повсюду распространять основанное на капитале производство, или соответствующий капиталу способ производства. Тенденция к созданию мирового рынка дана непосредственно в самом понятии капитала. Всякий предел выступает как подлежащее преодолению ограничение".

Советский Союз появился в результате преодоления этих барьеров в манере, которую Маркс не смог предугадать (но которую замечательным образом предугадал Бакунин). Это было, говоря словами Маркса, результатом постоянного разрушения всех преград, которые мешают развитию производительных сил, расширению потребностей, многообразию производства, эксплуатации природных и духовных сил и обмену ими. Отнюдь не являясь примитивной фиксацией на буржуазных отношениях частной собственности марксово определение расширяющегося капитала предполагает более широкое определение этого феномена (диалектический взгляд, если хотите), которое рассматривало бы динамическое движение и эволюцию капитала - вот взгляд, необходимый при рассмотрении современного мира.

Стремление к промышленному росту и расширению потребностей, к эксплуатации и стоимостной оценке природы для последующего использования в процессе обмена одинаково характерны как для буржуазии, так и для

- 42 -

уничтожением, с ракетами наготове, стабильность сейчас важнее всего, особенно теперь, когда Восточный блок может угрожать не только относительному социальному миру, но и самому существованию Западного блока.

Конечно же, одной из основных причин, почему путча до сих пор не произошло, является то, что он, как и всякая попытка авторитарного ответа на события (а возможно вообще любая попытка связного ответа на события), будет затянута в черную дыру пост-имперского вихря.

"Театр, подобно чуме, - это кризис, который разрешается либо смертью, либо выздоровлением", - писал Антонен Арто. В пост-имперском театре жестокости (впрочем, как и в имперском) выздоровления не предвидится.

3

В то время как в обыденной жизни любой лавочник отлично умеет различать между тем, за что выдает себя тот или иной человек, и тем, что он представляет собой в действительности, наша историография еще не дошла до этого банального познания. Она верит на слово каждой эпохе, что бы та ни говорила и ни воображала о себе.

К.Маркс, Ф.Энгельс

Вещи редко таковы, какими кажутся. Эпоха наследует язык, который в свою очередь становится мистикой, фальсификацией. Так, ранние христиане, отвернувшись от разваливающегося колосса Римской империи, использовали анти-имперское учение своего пророка, чтобы построить новый имперский Град Божий.

То же произошло и в эпоху всемирно-исторической борьбы между капитализмом и коммунизмом. Видимость скрывала реальность; революция против капитализма только придала последнему новую форму. Коммунисты не были коммунистами, а свободный мир не был свободен.

Политическая типология служила интересам иерархов и их слуг в обоих лагерях. Подлинная роль

- 15 -

уничтожением, с ракетами наготове, стабильность сейчас важнее всего, особенно теперь, когда Восточный блок может угрожать не только относительному социальному миру, но и самому существованию Западного блока.

Конечно же, одной из основных причин, почему путча до сих пор не произошло, является то, что он, как и всякая попытка авторитарного ответа на события (а возможно вообще любая попытка связного ответа на события), будет затянута в черную дыру пост-имперского вихря.

"Театр, подобно чуме, - это кризис, который разрешается либо смертью, либо выздоровлением", - писал Антонен Арто. В пост-имперском театре жестокости (впрочем, как и в имперском) выздоровления не предвидится.

3

В то время как в обыденной жизни любой лавочник отлично умеет различать между тем, за что выдает себя тот или иной человек, и тем, что он представляет собой в действительности, наша историография еще не дошла до этого банального познания. Она верит на слово каждой эпохе, что бы та ни говорила и ни воображала о себе.

К.Маркс, Ф.Энгельс

Вещи редко таковы, какими кажутся. Эпоха наследует язык, который в свою очередь становится мистикой, фальсификацией. Так, ранние христиане, отвернувшись от разваливающегося колосса Римской империи, использовали анти-имперское учение своего пророка, чтобы построить новый имперский Град Божий.

То же произошло и в эпоху всемирно-исторической борьбы между капитализмом и коммунизмом. Видимость скрывала реальность; революция против капитализма только придала последнему новую форму. Коммунисты не были коммунистами, а свободный мир не был свободен.

Политическая типология служила интересам иерархов и их слуг в обоих лагерях. Подлинная роль

- 15 -

сталинской аристократии, выполнявшей функции управленцев в новой гибридной государственной разновидности капитализма, скрывалась под маской революционности, что позволяло ей получать огромные жертвы квази-религиозного характера как от тех, кто жил при этом режиме, так и от тех, кто его поддерживал за рубежом. Всякий раз, когда ставились под сомнение грабительская империалистическая политика и военные авантюры, старые правящие классы на Западе оправдывали их с помощью дьяволоподобного внешнего врага. Это была изящная, хотя и жестокая система, которая простояла почти столетие.

То, что два блока были схожи друг с другом по сути, вовсе не означало, что их интересы не были противоположны. На протяжении всего этого времени Запад постоянно пытался (с помощью политики союзов и различных экономических мер) подорвать позиции и свалить своих противников в самозванном социалистическом мире. Отчасти это объяснялось тем, что все империи беспощадно борются между собой за господство. Но у сил частного капитала были и более глубокие причины выступать против формальных отношений собственности в государственно-капиталистических режимах. Запад хотел вновь открыть эти страны для межимпериалистической эксплуатации и положить конец революционной мистике, с тем, чтобы возбуждаемые ей националисты в колониях не препятствовали спокойному накоплению капитала.

Но окончательное крушение советского режима было отчасти результатом семидесятипятилетней войны против государства, которое, несмотря на неисполненное обещание построить рай для трудящихся, все же фактически ликвидировало традиционную иерархию, и тем самым повергло в трепет правителей на Западе точно так же, как известия о гильотине во Франции повергли в трепет английских и русских богачей в конце XVIII века. Угнетатели, также как и миллионы угнетаемых во

- 16 -

сталинской аристократии, выполнявшей функции управленцев в новой гибридной государственной разновидности капитализма, скрывалась под маской революционности, что позволяло ей получать огромные жертвы квази-религиозного характера как от тех, кто жил при этом режиме, так и от тех, кто его поддерживал за рубежом. Всякий раз, когда ставились под сомнение грабительская империалистическая политика и военные авантюры, старые правящие классы на Западе оправдывали их с помощью дьяволоподобного внешнего врага. Это была изящная, хотя и жестокая система, которая простояла почти столетие.

То, что два блока были схожи друг с другом по сути, вовсе не означало, что их интересы не были противоположны. На протяжении всего этого времени Запад постоянно пытался (с помощью политики союзов и различных экономических мер) подорвать позиции и свалить своих противников в самозванном социалистическом мире. Отчасти это объяснялось тем, что все империи беспощадно борются между собой за господство. Но у сил частного капитала были и более глубокие причины выступать против формальных отношений собственности в государственно-капиталистических режимах. Запад хотел вновь открыть эти страны для межимпериалистической эксплуатации и положить конец революционной мистике, с тем, чтобы возбуждаемые ей националисты в колониях не препятствовали спокойному накоплению капитала.

Но окончательное крушение советского режима было отчасти результатом семидесятипятилетней войны против государства, которое, несмотря на неисполненное обещание построить рай для трудящихся, все же фактически ликвидировало традиционную иерархию, и тем самым повергло в трепет правителей на Западе точно так же, как известия о гильотине во Франции повергли в трепет английских и русских богачей в конце XVIII века. Угнетатели, также как и миллионы угнетаемых во

- 16 -

историческое развитие государственно-капиталистических режимов показывает, что "каковы бы ни были общественная динамика и инновации, в конечном счете, застой, приватизация и внешняя зависимость - это повторяющиеся феномены. Включение в мировой рынок на неравных условиях и рост задолженности приводит к кризису, который в свою очередь ведет к разложению государственности как модели роста". Здесь важно отметить, что капитал продолжает расширяться, и социалистическое государство возможно даже должно "отмирать" если это требуется для ускорения процесса капиталистического роста.

Подобный "полицейско-капиталистический" путь развития "творил чудеса в первоначальном накоплении капитала", писал Фриди Перлман, но он не мог обеспечивать столь же эффективное управление. (F.Pearlman, The Continuing Appeal of Nationalism, Detroit, 1985.) Комиссары были так же бездарны, как и их царские предшественники, и могли удерживаться на плаву лишь до тех пор, пока они могли эффективно завоевывать новые источники первоначального накопления капитала. (Китайские коммунисты, хотя они и показали себя чуть более эффективными администраторами, наверное оказались сейчас в том же положении, что и их советские коллеги, будучи зажатыми между устаревшей мегамашиной и более современной, более гибкой "полуправленческой" формой капитализма, характерной для международного частного капитала. По мере того, как они воспринимали продукты, технологии и стратегии развития западного капитала и создавали новые совместные предприятия, они были вынуждены столкнуться лицом к лицу с подобными противоречиями. Только недавно, как явствует из репортажа "Ассошиэйтед Пресс" в январе 1992 года, китайский премьер Дэн Сяопин предупредил, что Коммунистическая партия может потерять контроль, если она будет неспособна принять рыночную

- 41 -

историческое развитие государственно-капиталистических режимов показывает, что "каковы бы ни были общественная динамика и инновации, в конечном счете, застой, приватизация и внешняя зависимость - это повторяющиеся феномены. Включение в мировой рынок на неравных условиях и рост задолженности приводит к кризису, который в свою очередь ведет к разложению государственности как модели роста". Здесь важно отметить, что капитал продолжает расширяться, и социалистическое государство возможно даже должно "отмирать" если это требуется для ускорения процесса капиталистического роста.

Подобный "полицейско-капиталистический" путь развития "творил чудеса в первоначальном накоплении капитала", писал Фриди Перлман, но он не мог обеспечивать столь же эффективное управление. (F.Pearlman, The Continuing Appeal of Nationalism, Detroit, 1985.) Комиссары были так же бездарны, как и их царские предшественники, и могли удерживаться на плаву лишь до тех пор, пока они могли эффективно завоевывать новые источники первоначального накопления капитала. (Китайские коммунисты, хотя они и показали себя чуть более эффективными администраторами, наверное оказались сейчас в том же положении, что и их советские коллеги, будучи зажатыми между устаревшей мегамашиной и более современной, более гибкой "полуправленческой" формой капитализма, характерной для международного частного капитала. По мере того, как они воспринимали продукты, технологии и стратегии развития западного капитала и создавали новые совместные предприятия, они были вынуждены столкнуться лицом к лицу с подобными противоречиями. Только недавно, как явствует из репортажа "Ассошиэйтед Пресс" в январе 1992 года, китайский премьер Дэн Сяопин предупредил, что Коммунистическая партия может потерять контроль, если она будет неспособна принять рыночную

- 41 -

более космополитической системы, и в конце концов последняя переросла ее так же, как в свое время рабство на Юге Соединенных Штатов поддалось натиску сил индустриального капитализма Севера. По мере того, как капитализм развивался в сторону усложнения, он разрушал собственные границы, а вместе с ними и существовавшую политическую систему.

Очевидно, что к концу 1980-х годов режим стал гораздо более слабым и неустойчивым. Пустота официальной идеологии и всепроникающая коррупция привели к тому, что те, кто пытались сохранить политический режим, пользовались очень незначительной поддержкой; среди значительной же части населения зрело недовольство. Все возрастающие ожидания, создаваемые западной товарно-зрелищной системой и неспособностью государственного капитализма исполнить собственные обещания, помогли подвести режим к развилке - выбору между двумя мирами, двумя различными системами капитализма, - развилке, аналогичной той, перед которой уже однажды оказалось в свое время российское самодержавие.

Говоря марксистским языком, опыт советского социализма означал, что десятилетия грубого подавления, диктатуры и эксплуатации были тем путем, по которому нация "прогрессивно развивалась" от средневековой империи к государству, в котором действовал "капиталистический способ производства". Социалистическая "диктатура пролетариата" обеспечивала проведение внутренней колонизации и первоначальных огораживаний, сверхэксплуатацию определенных секторов производства и групп населения, а также последующее инвестирование полученных таким образом средств, - все это соответствовало ранним стадиям капиталистического развития.

В своем очерке о государственном капитализме в странах Третьего мира Джеймс Петрас пишет, что

- 40 -

более космополитической системы, и в конце концов последняя переросла ее так же, как в свое время рабство на Юге Соединенных Штатов поддалось натиску сил индустриального капитализма Севера. По мере того, как капитализм развивался в сторону усложнения, он разрушал собственные границы, а вместе с ними и существовавшую политическую систему.

Очевидно, что к концу 1980-х годов режим стал гораздо более слабым и неустойчивым. Пустота официальной идеологии и всепроникающая коррупция привели к тому, что те, кто пытались сохранить политический режим, пользовались очень незначительной поддержкой; среди значительной же части населения зрело недовольство. Все возрастающие ожидания, создаваемые западной товарно-зрелищной системой и неспособностью государственного капитализма исполнить собственные обещания, помогли подвести режим к развилке - выбору между двумя мирами, двумя различными системами капитализма, - развилке, аналогичной той, перед которой уже однажды оказалось в свое время российское самодержавие.

Говоря марксистским языком, опыт советского социализма означал, что десятилетия грубого подавления, диктатуры и эксплуатации были тем путем, по которому нация "прогрессивно развивалась" от средневековой империи к государству, в котором действовал "капиталистический способ производства". Социалистическая "диктатура пролетариата" обеспечивала проведение внутренней колонизации и первоначальных огораживаний, сверхэксплуатацию определенных секторов производства и групп населения, а также последующее инвестирование полученных таким образом средств, - все это соответствовало ранним стадиям капиталистического развития.

В своем очерке о государственном капитализме в странах Третьего мира Джеймс Петрас пишет, что

- 40 -

всем мире, верили коммунистам на слово. Действительно, любой вызов существующей власти автоматически клеймился как коммунистический, и с ним расправлялись безжалостным железным кулаком.

"Холодная война" лишь усилила и "оправдала" то, что было по сути войной, объявленной Западом любым бунтовщикам, угрожавшим провести национализацию, подобно большевикам в двадцатые годы, а также режимам, которые готовы были сотрудничать с подобными националистическими выскочками.

Эта непрекращавшаяся институционализованная кампания превратила западный реставраторский проект в своего рода культуру. Паранойя, грубое давление, конформизм и строгая дисциплина обеспечивали подчинение империи и социальный мир дома, в то время как величайшая в истории гонка вооружений (тесно связанная с продолжающимися кровавыми банями на так называемой периферии) обеспечивала господство в новых колониях, возникших после мировой войны. Она также позволяла сохранить военно-промышленный комплекс в качестве основы экономики и заставить своих государственно-капиталистических противников нести бремя обеспечения социально и экономически дорогостоящей обороны. Эта гонка вооружений и сыграла решающую роль в смерти сталинистского режима.

Президента Рейгана как-то спросили, отразится ли стратегия доведения России до кризиса на и без того ослабленной экономике Соединенных Штатов. "Да, - ответил он, - но они разорятся первыми". В действительности именно так и произошло. Американская экономика стала разрушаться, всего на несколько шагов отставая от своего противника. Всего на военные расходы с 1949 по 1989 года было израсходовано 8.2 триллиона долларов (в ценах 1982 года). Как отметил один из комментаторов, "Это больше денег, чем требуется для того, чтобы

- 17 -

всем мире, верили коммунистам на слово. Действительно, любой вызов существующей власти автоматически клеймился как коммунистический, и с ним расправлялись безжалостным железным кулаком.

"Холодная война" лишь усилила и "оправдала" то, что было по сути войной, объявленной Западом любым бунтовщикам, угрожавшим провести национализацию, подобно большевикам в двадцатые годы, а также режимам, которые готовы были сотрудничать с подобными националистическими выскочками.

Эта непрекращавшаяся институционализованная кампания превратила западный реставраторский проект в своего рода культуру. Паранойя, грубое давление, конформизм и строгая дисциплина обеспечивали подчинение империи и социальный мир дома, в то время как величайшая в истории гонка вооружений (тесно связанная с продолжающимися кровавыми банями на так называемой периферии) обеспечивала господство в новых колониях, возникших после мировой войны. Она также позволяла сохранить военно-промышленный комплекс в качестве основы экономики и заставить своих государственно-капиталистических противников нести бремя обеспечения социально и экономически дорогостоящей обороны. Эта гонка вооружений и сыграла решающую роль в смерти сталинистского режима.

Президента Рейгана как-то спросили, отразится ли стратегия доведения России до кризиса на и без того ослабленной экономике Соединенных Штатов. "Да, - ответил он, - но они разорятся первыми". В действительности именно так и произошло. Американская экономика стала разрушаться, всего на несколько шагов отставая от своего противника. Всего на военные расходы с 1949 по 1989 года было израсходовано 8.2 триллиона долларов (в ценах 1982 года). Как отметил один из комментаторов, "Это больше денег, чем требуется для того, чтобы

- 17 -

заменить все созданные человеком машины и структуры по всей стране". (Moris Gleicher, "America In Decline"/Detroit Metro Times, July 24-30, 1991.) Американский капитализм не может просто сократить военный бюджет, поскольку это разрушит всю экономическую систему в целом. Как кто-то однажды сказал, у США нет военной машины, США - это и есть военная машина.

Но все же, несмотря на различия между двумя противостоящими друг другу блоками, Советский Союз был всего-навсего худшей разновидностью частного капитализма, единственным путем развития, доступным более бедным странам, оставшим в гонке за ростом производства. А поскольку это была именно худшая разновидность, что-то вроде слабого звена в цепи, каким, возможно, была Россия в 1917 году, и поскольку новые социально-экономические структуры не могли ни вернуться на свои прежние позиции колоний, ни подняться до уровня конкурентноспособной империи, она стала жертвой баснословно дорогой гонки вооружений и углублявшегося международного экономического спада, который подталкивал все слабые национальные экономики к грани банкротства. Когда государства Восточной Европы начали одно за другим падать под натиском вампиров из Международного Валютного Фонда и Всемирного Банка, финал было легко предугадать.

Экономический застой и слабость рубля, низкая производительность и социальная нестабильность, вызванная противостоянием в Афганистане, экологическая деградация и другие неприятности, соединенные вместе, подталкивали СССР по направлению к свалке истории. Но это была, если быть точными, не революция и не контрреволюция. Только незначительная часть собственности сейчас находится в руках частных владельцев, и примерно та же самая каста находится у власти, с небольшими вкраплениями (обычно полезными для любой властной структуры) критиков и реформаторов

- 18 -

заменить все созданные человеком машины и структуры по всей стране". (Moris Gleicher, "America In Decline"/Detroit Metro Times, July 24-30, 1991.) Американский капитализм не может просто сократить военный бюджет, поскольку это разрушит всю экономическую систему в целом. Как кто-то однажды сказал, у США нет военной машины, США - это и есть военная машина.

Но все же, несмотря на различия между двумя противостоящими друг другу блоками, Советский Союз был всего-навсего худшей разновидностью частного капитализма, единственным путем развития, доступным более бедным странам, оставшим в гонке за ростом производства. А поскольку это была именно худшая разновидность, что-то вроде слабого звена в цепи, каким, возможно, была Россия в 1917 году, и поскольку новые социально-экономические структуры не могли ни вернуться на свои прежние позиции колоний, ни подняться до уровня конкурентноспособной империи, она стала жертвой баснословно дорогой гонки вооружений и углублявшегося международного экономического спада, который подталкивал все слабые национальные экономики к грани банкротства. Когда государства Восточной Европы начали одно за другим падать под натиском вампиров из Международного Валютного Фонда и Всемирного Банка, финал было легко предугадать.

Экономический застой и слабость рубля, низкая производительность и социальная нестабильность, вызванная противостоянием в Афганистане, экологическая деградация и другие неприятности, соединенные вместе, подталкивали СССР по направлению к свалке истории. Но это была, если быть точными, не революция и не контрреволюция. Только незначительная часть собственности сейчас находится в руках частных владельцев, и примерно та же самая каста находится у власти, с небольшими вкраплениями (обычно полезными для любой властной структуры) критиков и реформаторов

- 18 -

Предложенная Мамфордом характеристика новой мегамашины также напоминает о "зловещих дефектах древней мегамашины", приведших к ее распаду: "ставке на физическое принуждение и террор, систематическое порабощение всего трудящегося населения, включая членов диктаторской партии, подавление свободных человеческих отношений, свободы передвижения, свободы доступа к имеющимся знаниям, свободы объединений и в конце концов введение человеческих жертвоприношений, чтобы смягчить гнев и поддержать жизнь ее ужасного богакровопийцы, Сталина. Результатом функционирования этой системы было превращение целой страны в тюрьму, отчасти концентрационный лагерь, отчасти лабораторию по уничтожению, из которой был только один путь избавления - смерть... То, что Сталин, как и Ленин, после смерти был подвергнут древнему египетскому обряду мумифицирования и был выставлен для общественных богослужений делает подобное сравнение слишком точным, чтобы его можно было считать надуманным... Но оно именно таково." (L.Mumford, The Pentagon of Power, New York, 1970.)

5

После тезиса, капитализма, и антитезиса, социализма, вот вам продукт синтеза: общество из пластика.

Б.Шарбонно

Можно только строить предположения о том, почему Советский Союз распался как единое политическое целое именно сейчас, а не в период общемирового кризиса в тридцатые годы или во время Второй мировой войны. Может быть это было вызвано непреодолимыми противоречиями между окостеневшей царской мегамашиной, унаследованной большевиками и усовершенствованной Сталиным, и современной мегамашиной, созданной после войны. Старая мегамашина служила в качестве основы для новой,

- 39 -

Предложенная Мамфордом характеристика новой мегамашины также напоминает о "зловещих дефектах древней мегамашины", приведших к ее распаду: "ставке на физическое принуждение и террор, систематическое порабощение всего трудящегося населения, включая членов диктаторской партии, подавление свободных человеческих отношений, свободы передвижения, свободы доступа к имеющимся знаниям, свободы объединений и в конце концов введение человеческих жертвоприношений, чтобы смягчить гнев и поддержать жизнь ее ужасного богакровопийцы, Сталина. Результатом функционирования этой системы было превращение целой страны в тюрьму, отчасти концентрационный лагерь, отчасти лабораторию по уничтожению, из которой был только один путь избавления - смерть... То, что Сталин, как и Ленин, после смерти был подвергнут древнему египетскому обряду мумифицирования и был выставлен для общественных богослужений делает подобное сравнение слишком точным, чтобы его можно было считать надуманным... Но оно именно таково." (L.Mumford, The Pentagon of Power, New York, 1970.)

5

После тезиса, капитализма, и антитезиса, социализма, вот вам продукт синтеза: общество из пластика.

Б.Шарбонно

Можно только строить предположения о том, почему Советский Союз распался как единое политическое целое именно сейчас, а не в период общемирового кризиса в тридцатые годы или во время Второй мировой войны. Может быть это было вызвано непреодолимыми противоречиями между окостеневшей царской мегамашиной, унаследованной большевиками и усовершенствованной Сталиным, и современной мегамашиной, созданной после войны. Старая мегамашина служила в качестве основы для новой,

- 39 -

слой независимых крестьян-производителей как экономическую категорию. Окончательная коллективизация превратила крестьян в сельскохозяйственных рабочих, работавших на одного хозяина - новое аппаратное государство... Мы можем утверждать, что Октябрьская революция, каковы бы ни были провозглашаемые ею цели, породила систему всеобщего (государственного) рабства, основанную на промышленности."

Созданное марксистами-ленинцами общество представляло собой новый гибрид капитализма и деспотизма древних рабовладельческих государств - нечто вроде государственного капитализма, хотя не единственной его разновидности, поскольку частный капитализм на Западе также эволюционировал в этом направлении. Нельзя описать эту систему и как неизбежную ступень всемирно-исторического прогресса; она была лишь результатом условий, созданных глобальным капитализмом, и представляла поэтому лишь один из возможных вариантов развития. Была она и чем-то большим, тем, что Льюис Мамфорд назвал "первой попыткой модернизировать мегамашину подавления", за которой последовали нацистское государство и государства союзников СССР во Второй мировой войне.

Диктатура укрепила свою власть, писал Мамфорд, "используя бюрократический аппарат и психологическое обусловливание прежней, устаревшей мегамашины" - подчинение власти, квазирелигиозную верность государству и вождю, а также подавление всех институтов оппозиции, массовое убийство инакомыслящих. Сталин стал чем-то вроде божества, чьи "замечания по любому предмету, начиная с механизма генетической наследственности и кончая происхождением языка, бездумно приветствовались как голос всеведущей науки... Эта тенденция позднее получила еще более карикатурное выражение - если подобное вообще возможно - в речах Мао Цзэ-дуна."

- 38 -

слой независимых крестьян-производителей как экономическую категорию. Окончательная коллективизация превратила крестьян в сельскохозяйственных рабочих, работавших на одного хозяина - новое аппаратное государство... Мы можем утверждать, что Октябрьская революция, каковы бы ни были провозглашаемые ею цели, породила систему всеобщего (государственного) рабства, основанную на промышленности."

Созданное марксистами-ленинцами общество представляло собой новый гибрид капитализма и деспотизма древних рабовладельческих государств - нечто вроде государственного капитализма, хотя не единственной его разновидности, поскольку частный капитализм на Западе также эволюционировал в этом направлении. Нельзя описать эту систему и как неизбежную ступень всемирно-исторического прогресса; она была лишь результатом условий, созданных глобальным капитализмом, и представляла поэтому лишь один из возможных вариантов развития. Была она и чем-то большим, тем, что Льюис Мамфорд назвал "первой попыткой модернизировать мегамашину подавления", за которой последовали нацистское государство и государства союзников СССР во Второй мировой войне.

Диктатура укрепила свою власть, писал Мамфорд, "используя бюрократический аппарат и психологическое обусловливание прежней, устаревшей мегамашины" - подчинение власти, квазирелигиозную верность государству и вождю, а также подавление всех институтов оппозиции, массовое убийство инакомыслящих. Сталин стал чем-то вроде божества, чьи "замечания по любому предмету, начиная с механизма генетической наследственности и кончая происхождением языка, бездумно приветствовались как голос всеведущей науки... Эта тенденция позднее получила еще более карикатурное выражение - если подобное вообще возможно - в речах Мао Цзэ-дуна."

- 38 -

извне. Если бы СССР был марионеткой в руках США (вроде Саддама Хусейна, филиппинского диктатора Маркоса или хунты вроде сальвадорской), а не их противником, туда бы направили большие займы, а заодно и ЦРУ, чтобы обезвредить тех, кто может создать неприятности. Этого, конечно, не случилось, а все остальное сделало телевидение.

Итак, падение коммунизма и триумф капитализма стали официальной имперской историей в том виде, в каком ее задумали, совершали и направляли победители. И победители - вовсе не простые люди из двух блоков, чьи условия жизни ухудшаются по мере того, как международный капитал реорганизуется на основе еще более эксплуататорского "общественного договора", а класс или каста иерархов, которые управляют и получают доход от международного накопления капитала, как на Востоке, так и на Западе. И если мы хотим когда-нибудь все-таки понять эту эпоху, мы должны отказаться от узкого понимания капитализма, служившего правителям обоих блоков, ради более широкого.

На самом деле, ограничиваться юридическими вопросами собственности и тем, как иерархически организованные общества называют себя, значит совершать грубую формальную ошибку, хотя у идеологий на Востоке и Западе были причины отрицать это. Современный государственный социализм был лишь проявлением капитализма, которому он, по собственному определению, пришел на смену. Капитализм и социализм должны рассматриваться антропологически и исторически, без покрова идеологических мистификаций. Лишь таким образом мы сможем понять не только различия между блоками, но и их функциональное сходство. Что же капиталистического было в социализме?

Корнелиус Касториadis писал в 1977 году, что общественный строй в Советском Союзе лучше описывать как "тотально-бюрократический

- 19 -

извне. Если бы СССР был марионеткой в руках США (вроде Саддама Хусейна, филиппинского диктатора Маркоса или хунты вроде сальвадорской), а не их противником, туда бы направили большие займы, а заодно и ЦРУ, чтобы обезвредить тех, кто может создать неприятности. Этого, конечно, не случилось, а все остальное сделало телевидение.

Итак, падение коммунизма и триумф капитализма стали официальной имперской историей в том виде, в каком ее задумали, совершали и направляли победители. И победители - вовсе не простые люди из двух блоков, чьи условия жизни ухудшаются по мере того, как международный капитал реорганизуется на основе еще более эксплуататорского "общественного договора", а класс или каста иерархов, которые управляют и получают доход от международного накопления капитала, как на Востоке, так и на Западе. И если мы хотим когда-нибудь все-таки понять эту эпоху, мы должны отказаться от узкого понимания капитализма, служившего правителям обоих блоков, ради более широкого.

На самом деле, ограничиваться юридическими вопросами собственности и тем, как иерархически организованные общества называют себя, значит совершать грубую формальную ошибку, хотя у идеологий на Востоке и Западе были причины отрицать это. Современный государственный социализм был лишь проявлением капитализма, которому он, по собственному определению, пришел на смену. Капитализм и социализм должны рассматриваться антропологически и исторически, без покрова идеологических мистификаций. Лишь таким образом мы сможем понять не только различия между блоками, но и их функциональное сходство. Что же капиталистического было в социализме?

Корнелиус Касториadis писал в 1977 году, что общественный строй в Советском Союзе лучше описывать как "тотально-бюрократический

- 19 -

капитализм" в отличие от частного "фрагментарно-бюрократического капитализма", существующего на Западе (хотя "тотальный" вовсе не означает, что внутри него не было антагонизмов и внутренней оппозиции). Это было (и остается) "асимметрично и антагонистически разделенное общество - или, если использовать традиционные термины, "классовое общество", - в котором господствует определенная социальная группа, бюрократия".

Это господство, продолжает Касториадис, "находило свое конкретное выражение в экономической эксплуатации, политическом подавлении и умственном порабощении населения" в интересах бюрократии. Эксплуатация, - извлечение стоимости из природы и человеческого труда для последующего реинвестирования в бизнес и для обогащения правящей группы, - вытекает из антагонистических отношений в сфере производства, "основанных на разделении на управляющих и управляемых", отличающемся от формальных или юридических отношений собственности. Является ли управляющий предприятия его владельцем, или он распоряжается им от лица абстракции, называемой государством (на самом деле являющемся всего лишь "клубом для богатых", к которому принадлежит он и его шайка), не имеет значения. Результат одинаков как для него самого, так и для тех, кто работает под его началом.

Являясь субъектом отношений "найма", как и все другие трудящиеся классы, управляемые не контролируют ни средства, ни продукт труда, ни свой труд как работников. Они продают свое время, свои жизненные силы и саму свою жизнь бюрократии, которая распоряжается ими в соответствии с собственными интересами. Бюрократия использует те же основные методы, что и частные капиталисты на Западе, для увеличения прибавочной стоимости, которую она присваивает, и для сокращения как доли, получаемой работником, так и тех небольших остатков автономии, которые

- 20 -

капитализм" в отличие от частного "фрагментарно-бюрократического капитализма", существующего на Западе (хотя "тотальный" вовсе не означает, что внутри него не было антагонизмов и внутренней оппозиции). Это было (и остается) "асимметрично и антагонистически разделенное общество - или, если использовать традиционные термины, "классовое общество", - в котором господствует определенная социальная группа, бюрократия".

Это господство, продолжает Касториадис, "находило свое конкретное выражение в экономической эксплуатации, политическом подавлении и умственном порабощении населения" в интересах бюрократии. Эксплуатация, - извлечение стоимости из природы и человеческого труда для последующего реинвестирования в бизнес и для обогащения правящей группы, - вытекает из антагонистических отношений в сфере производства, "основанных на разделении на управляющих и управляемых", отличающемся от формальных или юридических отношений собственности. Является ли управляющий предприятия его владельцем, или он распоряжается им от лица абстракции, называемой государством (на самом деле являющемся всего лишь "клубом для богатых", к которому принадлежит он и его шайка), не имеет значения. Результат одинаков как для него самого, так и для тех, кто работает под его началом.

Являясь субъектом отношений "найма", как и все другие трудящиеся классы, управляемые не контролируют ни средства, ни продукт труда, ни свой труд как работников. Они продают свое время, свои жизненные силы и саму свою жизнь бюрократии, которая распоряжается ими в соответствии с собственными интересами. Бюрократия использует те же основные методы, что и частные капиталисты на Западе, для увеличения прибавочной стоимости, которую она присваивает, и для сокращения как доли, получаемой работником, так и тех небольших остатков автономии, которые

- 20 -

подготовил почву для своего абсолютного господства не как отдельная личность, а как представитель, можно даже сказать, олицетворение этой группы."

К 1923 году Ленин пришел в выводу, что основанное им бюрократическое государство все больше скатывалось к азистаскому деспотизму, которого он так боялся. К тому времени, однако, было уже слишком поздно, и он не мог ничего сделать, даже если бы он и смог отказаться от авторитарного мышления и разобраться в сути происходящего. Руководимая им партия покончила со всеми проявлениями независимой революционной и общественной деятельности, по ходу дела уничтожая и репрессировав тысячи людей.

В своем исключительно великодушном очерке о стоявших перед Лениным "моральных дилеммах" Исаак Дойчер пишет, что к 1922 году лидер большевиков говорил, что "часто у него возникает ощущение шофера, понимающего, что машина движется не туда, куда он ее направляет". "Мощные силы," - говорил Ленин, - отклонили Советский Союз с "правильного пути". (I.Deutscher, Ironies of History, Berkeley, 1966.) Ленинская партия, конечно, сама была одной из этих сил, но и она в свою очередь была подвержена влиянию идеологии своей эпохи, эпохи возникновения государственного бюрократического капитализма.

Тем не менее, Ленин ошибался, считая, что основанное им национальное государство тонуло в трясине обыкновенного царизма, - ошибался, как пишет Витфогель, "потому что недооценивал экономическое мышление людей из нового аппарата". Их "не удовлетворяла власть над миром рабочих и крестьян. Они знали, что представляет собой потенциал современной индустрии... Национализированный промышленный аппарат нового полууправленческого порядка обеспечивал им новые возможности организации, пропаганды и принуждения, давал им возможность ликвидировать

- 37 -

подготовил почву для своего абсолютного господства не как отдельная личность, а как представитель, можно даже сказать, олицетворение этой группы."

К 1923 году Ленин пришел в выводу, что основанное им бюрократическое государство все больше скатывалось к азистаскому деспотизму, которого он так боялся. К тому времени, однако, было уже слишком поздно, и он не мог ничего сделать, даже если бы он и смог отказаться от авторитарного мышления и разобраться в сути происходящего. Руководимая им партия покончила со всеми проявлениями независимой революционной и общественной деятельности, по ходу дела уничтожая и репрессировав тысячи людей.

В своем исключительно великодушном очерке о стоявших перед Лениным "моральных дилеммах" Исаак Дойчер пишет, что к 1922 году лидер большевиков говорил, что "часто у него возникает ощущение шофера, понимающего, что машина движется не туда, куда он ее направляет". "Мощные силы," - говорил Ленин, - отклонили Советский Союз с "правильного пути". (I.Deutscher, Ironies of History, Berkeley, 1966.) Ленинская партия, конечно, сама была одной из этих сил, но и она в свою очередь была подвержена влиянию идеологии своей эпохи, эпохи возникновения государственного бюрократического капитализма.

Тем не менее, Ленин ошибался, считая, что основанное им национальное государство тонуло в трясине обыкновенного царизма, - ошибался, как пишет Витфогель, "потому что недооценивал экономическое мышление людей из нового аппарата". Их "не удовлетворяла власть над миром рабочих и крестьян. Они знали, что представляет собой потенциал современной индустрии... Национализированный промышленный аппарат нового полууправленческого порядка обеспечивал им новые возможности организации, пропаганды и принуждения, давал им возможность ликвидировать

- 37 -

новую буржуазию. НЭП позволял возродить капиталистические рыночные отношения в деревне после того, как большевики успешно разгромили самоуправляющиеся крестьянские общины и крестьянские партизанские отряды в интересах сохранения центральной власти в своих руках. Ленин заклеймил оппозицию этой политике, назвав ее "самым серьезным преступлением против партии".

В то же время бюрократия консолидировалась, об этом предупреждали даже партийные лидеры. Мы обнаруживаем назойливое несоответствие между их стремлениями и результатами их деятельности, между провозглашаемыми ими целями и средствами, - признание этого составляло основу анархистской критики авторитарного социализма в спорах второй половины XIX века и позднее. Большевики, в частности Троцкий, признавали, что они создавали государственный аппарат "из тех материалов, что были под рукой", имея в виду сотни тысяч царских бюрократов, нанятых новым режимом для подавления рабочих и крестьян, сопротивлявшихся ярму, надетому на них их коммунистическими освободителями. "Мы использовали старый аппарат, и в этом была наша ошибка," - признавался Ленин в 1922 году.

Антибюрократические подвиги сверху вроде расширения состава ЦК за счет рабочих и рядовых партийцев имели обратное воздействие, поскольку позволили выдвинуться аппаратчикам, верным секретариату (во главе со Сталиным). Как отмечает Дэниэлс, "в процессе естественного отбора ключевые позиции в партийном аппарате были заняты определенным типом людей, добившихся больших успехов в иерархической организации, основанной на дисциплине - аппаратчиками, эффективно исполнявшими приказы и готовыми бороться с любой оппозиционной деятельностью". Именно эта группа и привела к власти Сталина. "Сталин сконцентрировал в своих руках власть и

- 36 -

новую буржуазию. НЭП позволял возродить капиталистические рыночные отношения в деревне после того, как большевики успешно разгромили самоуправляющиеся крестьянские общины и крестьянские партизанские отряды в интересах сохранения центральной власти в своих руках. Ленин заклеймил оппозицию этой политике, назвав ее "самым серьезным преступлением против партии".

В то же время бюрократия консолидировалась, об этом предупреждали даже партийные лидеры. Мы обнаруживаем назойливое несоответствие между их стремлениями и результатами их деятельности, между провозглашаемыми ими целями и средствами, - признание этого составляло основу анархистской критики авторитарного социализма в спорах второй половины XIX века и позднее. Большевики, в частности Троцкий, признавали, что они создавали государственный аппарат "из тех материалов, что были под рукой", имея в виду сотни тысяч царских бюрократов, нанятых новым режимом для подавления рабочих и крестьян, сопротивлявшихся ярму, надетому на них их коммунистическими освободителями. "Мы использовали старый аппарат, и в этом была наша ошибка," - признавался Ленин в 1922 году.

Антибюрократические подвиги сверху вроде расширения состава ЦК за счет рабочих и рядовых партийцев имели обратное воздействие, поскольку позволили выдвинуться аппаратчикам, верным секретариату (во главе со Сталиным). Как отмечает Дэниэлс, "в процессе естественного отбора ключевые позиции в партийном аппарате были заняты определенным типом людей, добившихся больших успехов в иерархической организации, основанной на дисциплине - аппаратчиками, эффективно исполнявшими приказы и готовыми бороться с любой оппозиционной деятельностью". Именно эта группа и привела к власти Сталина. "Сталин сконцентрировал в своих руках власть и

- 36 -

могут существовать на рабочем месте (этого достигают с помощью различных управленческих техник и технизации самого труда).

То, что система называет себя социалистической, ничего не значит. Ключевое значение принадлежит содержанию общества, - иерархии, государству, отчуждению, производству, - а не его формальным претензиям. Столь же важно рассматривать содержание капитализма в культурном срезе, а не только узко в терминах производственных отношений. Основным, по мнению Касториадиса, является то, что:

"Режим в России в общественно-историческом плане является частью мира капитализма, потому что магия общественно-значимых понятий (или идеология), которая оживляет его структуры и реализуется через него, является тем, что привнес в историю капитализм. Сущность этой магии может быть описана как неограниченное расширение "рационального" господства. Конечно, проблема заключается в том, что это господство и абстрактная псевдорациональность во многом иллюзорны. Это понятие составляет центральное средоточие идей, которые становятся движущими силами и процессами, определяющими функционирование и развитие капитализма: неограниченное развитие производительных сил, одержимость идеей "развития", псевдорациональным "техническим прогрессом", производством и состоянием "экономики", "рационализацией" и контролем за всеми видами деятельности, все возрастающей сложностью разделения труда, универсальным измерением, подсчетами и планированием, организацией, как самоцелью, и т.д. Этому соответствуют институционализованные формы предпринимательства, бюрократически-иерархический аппарат, современное государство, партии и т.д. Многие из этих элементов - институциональные понятия и формы - складываются в ходе исторических периодов,

- 21 -

могут существовать на рабочем месте (этого достигают с помощью различных управленческих техник и технизации самого труда).

То, что система называет себя социалистической, ничего не значит. Ключевое значение принадлежит содержанию общества, - иерархии, государству, отчуждению, производству, - а не его формальным претензиям. Столь же важно рассматривать содержание капитализма в культурном срезе, а не только узко в терминах производственных отношений. Основным, по мнению Касториадиса, является то, что:

"Режим в России в общественно-историческом плане является частью мира капитализма, потому что магия общественно-значимых понятий (или идеология), которая оживляет его структуры и реализуется через него, является тем, что привнес в историю капитализм. Сущность этой магии может быть описана как неограниченное расширение "рационального" господства. Конечно, проблема заключается в том, что это господство и абстрактная псевдорациональность во многом иллюзорны. Это понятие составляет центральное средоточие идей, которые становятся движущими силами и процессами, определяющими функционирование и развитие капитализма: неограниченное развитие производительных сил, одержимость идеей "развития", псевдорациональным "техническим прогрессом", производством и состоянием "экономики", "рационализацией" и контролем за всеми видами деятельности, все возрастающей сложностью разделения труда, универсальным измерением, подсчетами и планированием, организацией, как самоцелью, и т.д. Этому соответствуют институционализованные формы предпринимательства, бюрократически-иерархический аппарат, современное государство, партии и т.д. Многие из этих элементов - институциональные понятия и формы - складываются в ходе исторических периодов,

- 21 -

предшествовавших капитализму. (И здесь приходят на ум описанные Льюисом Мамфордом предшественники современного капитализма в древних рабовладельческих государствах-мегамашинах. - Д.Б.) Но именно буржуазия, по мере своего развития в капиталистическую буржуазию, изменяет их функции и объединяет их с концепцией неограниченного расширения рационального господства (впервые сформулированная Декартом, эта идея была одной из центральных для Маркса, и это показывает, что его идеи уходят своими корнями в капиталистический мир)... ("The Social Regime in Russia"//Telos 38. Winter 1978-79)

Очевидно, что капитализм не является однородным феноменом, которым его пытаются представить левые и правые. Он вырос из своих "классических" корней не только как все возрастающая способность буржуазии повсеместно ввести торговлю и обмен через труд по найму, но он был тесно связан с культом ограниченной рациональности и эффективности, подъемом науки и технологии, усилением централизованного государства, материализацией и квантификацией культуры.

Поэтому капитализм не только "огромное скопление товаров", но и еще более важно, то, что стоит за этим: общественные отношения, делающие возможным это скопление. Перефразируя Жака Каматта можно сказать, что капитал это не способ производства, как его определял Маркс, а способ существования. (J.Camattes, *The Wandering of Humanity*, 1975; см. также Fredy Perlman, *The Reproduction of Daily Life*, 1972.) Этот способ существования, общий и для капитализма и для социализма, сильно отличается от всех других форм человеческих сообществ, от обществ, не имеющих письменности или обществ, обеспечивающих лишь минимальный уровень выживания, которые ему предшествуют и в которых фундаментальными мотивами были не экономические и

- 22 -

сосредоточить власть в своих руках и создать вертикальные командные структуры, организовать полицейскую и военную иерархию, контрольные комиссии и бюрократию и подавить всякую оппозицию как внутри, так и вне партии. "Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? - спрашивал Ленин в апреле 1918 года. - Подчинением воли тысяч воле одного. ...сегодня та же революция и именно в интересах ее развития и укрепления, именно в интересах социализма, требует беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса." (В.И.Ленин, "Очередные задачи Советской власти".)

Отвечая критикам бюрократизации, Троцкий писал в декабре 1920 года, что Россия на самом деле "страдает не от избытка, а от нехватки эффективной бюрократии". (Дойчер) (Это позволило Сталину впоследствии окрестить Троцкого "патриархом бюрократов"). К 1921 году, ко времени кровавой расправы с кронштадтским восстанием, партия в значительной мере контролировала... достаточно хаотичное предприятие, качнувшееся к диктатуре, последствия установления которой не могли предвидеть даже партийные лидеры. (Поэтому говорить о том, что Ленин был одержим идеей установления собственной авторитарной диктатуры и сознательно стремился к ней, значит не замечать трагического элемента в исторических событиях. Это то же самое, что утверждать, будто доктор Франкенштейн предвидел последствия своих действий и не трепетал от страха, когда созданное им чудовище больше не подчинялось его приказам. Это не освобождает большевиков и их последователей от ответственности за их преступления, - мир заплатил слишком большую цену.)

Даже внутри самой партии росло осознание того, что революция разгромлена. К власти пришла "техническая интеллигенция", утверждала одна оппозиционная группа; бюрократы и функционеры новой экономической политики превратились в

- 35 -

предшествовавших капитализму. (И здесь приходят на ум описанные Льюисом Мамфордом предшественники современного капитализма в древних рабовладельческих государствах-мегамашинах. - Д.Б.) Но именно буржуазия, по мере своего развития в капиталистическую буржуазию, изменяет их функции и объединяет их с концепцией неограниченного расширения рационального господства (впервые сформулированная Декартом, эта идея была одной из центральных для Маркса, и это показывает, что его идеи уходят своими корнями в капиталистический мир)... ("The Social Regime in Russia"//Telos 38. Winter 1978-79)

Очевидно, что капитализм не является однородным феноменом, которым его пытаются представить левые и правые. Он вырос из своих "классических" корней не только как все возрастающая способность буржуазии повсеместно ввести торговлю и обмен через труд по найму, но он был тесно связан с культом ограниченной рациональности и эффективности, подъемом науки и технологии, усилением централизованного государства, материализацией и квантификацией культуры.

Поэтому капитализм не только "огромное скопление товаров", но и еще более важно, то, что стоит за этим: общественные отношения, делающие возможным это скопление. Перефразируя Жака Каматта можно сказать, что капитал это не способ производства, как его определял Маркс, а способ существования. (J.Camattes, *The Wandering of Humanity*, 1975; см. также Fredy Perlman, *The Reproduction of Daily Life*, 1972.) Этот способ существования, общий и для капитализма и для социализма, сильно отличается от всех других форм человеческих сообществ, от обществ, не имеющих письменности или обществ, обеспечивающих лишь минимальный уровень выживания, которые ему предшествуют и в которых фундаментальными мотивами были не экономические и

- 22 -

сосредоточить власть в своих руках и создать вертикальные командные структуры, организовать полицейскую и военную иерархию, контрольные комиссии и бюрократию и подавить всякую оппозицию как внутри, так и вне партии. "Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? - спрашивал Ленин в апреле 1918 года. - Подчинением воли тысяч воле одного. ...сегодня та же революция и именно в интересах ее развития и укрепления, именно в интересах социализма, требует беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса." (В.И.Ленин, "Очередные задачи Советской власти".)

Отвечая критикам бюрократизации, Троцкий писал в декабре 1920 года, что Россия на самом деле "страдает не от избытка, а от нехватки эффективной бюрократии". (Дойчер) (Это позволило Сталину впоследствии окрестить Троцкого "патриархом бюрократов"). К 1921 году, ко времени кровавой расправы с кронштадтским восстанием, партия в значительной мере контролировала... достаточно хаотичное предприятие, качнувшееся к диктатуре, последствия установления которой не могли предвидеть даже партийные лидеры. (Поэтому говорить о том, что Ленин был одержим идеей установления собственной авторитарной диктатуры и сознательно стремился к ней, значит не замечать трагического элемента в исторических событиях. Это то же самое, что утверждать, будто доктор Франкенштейн предвидел последствия своих действий и не трепетал от страха, когда созданное им чудовище больше не подчинялось его приказам. Это не освобождает большевиков и их последователей от ответственности за их преступления, - мир заплатил слишком большую цену.)

Даже внутри самой партии росло осознание того, что революция разгромлена. К власти пришла "техническая интеллигенция", утверждала одна оппозиционная группа; бюрократы и функционеры новой экономической политики превратились в

- 35 -

расширяет функции предшествовавших ему бюрократий, и использует для оправдания собственного существования государственническую идеологию, представляющую политическое господство в качестве необходимого условия поддержания общественного порядка. Но, с другой стороны, он вводит новую иерархическую систему отношений, возникающую в силу развития высоких технологий, и узаконивает свое господство с помощью идеологии производства и экономического роста. Результатом этого является высокоинтегрированная система планирования и контроля, которая позволяет избежать длительного процесса систематической рационализации, необходимой для достижения такого же уровня порядка и стабильности в обществах, где технбюрократические функции остаются разделенными между соперничающими системами власти и авторитета. Оригинальность Бакунина состояла в признании, на достаточно ранней стадии, как политико-бюрократической, так и научно-технической стороны этой структуры и понимание того, на что она опирается." (J.Clark, "Marx, Bakunin and the Problem of Social Transformation"//Telos 42. Winter 1979-80; также см. главы 2 и 3 в его книге "The Anarchist Moment: Reflections on Culture, Nature and Power", Montreal, 1986.)

Итак, хотя трудно сказать, насколько это важно сегодня, но анархисты были правы в своих выводах относительно марксизма еще за полтора века до того, как все остальное человечество стало свидетелем крушения коммунистической мистики и спуска флага с серпом и молотом в Кремле. Загнанные в концлагеря и расстрелянные охранкой в бывших царских, а затем большевистских казематах в первые годы режима, анархисты и другие революционеры заплатили жизнями за свою оппозицию большевистской тирании.

С 1917 по 1922 год большевистское руководство достаточно поработало над тем, чтобы

- 34 -

инструментальные, а коммунальные (общинные), культурные и духовные. (Хотя, опять же, экономические мотивы проявлялись и в этих ранних классовых обществах, где отношения между родственниками или даже между врагами становились отношениями чужаков, основанными на экономическом обмене.)

Для начала капитализм заменил общества, обеспечивавшие минимум выживания (то есть по сути неэкономические общества), рынком. Экономические отношения и торговля, "в лучшем случае игравшие подчиненную роль по отношению к другим аспектам жизни", говоря словами Карла Полани, стали центральными. "Механизм, приведенный в действие мотивом наживы, был сравним по силе своего действия лишь с самыми насильственными взрывами религиозного пыла в истории", - пишет он. "На протяжении всего лишь одного поколения весь человеческий мир стал объектом его концентрированного влияния". (K.Polanyi, The Great Transformation, 1957.)

Рынок, государство и, в конечном счете, индустриализм выросли одновременно как взаимосвязанные аспекты одной и той же общественной системы. Хотя рынки существовали и до эпохи подъема капитализма, они были, как показывает Полани, "в основном... соседскими" и "нигде не было видно следов того, что они подчиняли себе господствующую экономическую систему (то есть систему, основанную на независимости и обеспечении минимума, необходимого для выживания)". По существу, "внешняя торговля в Западной Европе была создана вмешательством государства". То же относится и к индустриализму, навязанному простым людям, которые отвечали на огораживания и фабричную систему гражданской войной, поджогами и разрушением машин. Для установления индустриального капиталистического порядка центральным властям приходилось посылать на их

- 23 -

расширяет функции предшествовавших ему бюрократий, и использует для оправдания собственного существования государственническую идеологию, представляющую политическое господство в качестве необходимого условия поддержания общественного порядка. Но, с другой стороны, он вводит новую иерархическую систему отношений, возникающую в силу развития высоких технологий, и узаконивает свое господство с помощью идеологии производства и экономического роста. Результатом этого является высокоинтегрированная система планирования и контроля, которая позволяет избежать длительного процесса систематической рационализации, необходимой для достижения такого же уровня порядка и стабильности в обществах, где технбюрократические функции остаются разделенными между соперничающими системами власти и авторитета. Оригинальность Бакунина состояла в признании, на достаточно ранней стадии, как политико-бюрократической, так и научно-технической стороны этой структуры и понимание того, на что она опирается." (J.Clark, "Marx, Bakunin and the Problem of Social Transformation"//Telos 42. Winter 1979-80; также см. главы 2 и 3 в его книге "The Anarchist Moment: Reflections on Culture, Nature and Power", Montreal, 1986.)

Итак, хотя трудно сказать, насколько это важно сегодня, но анархисты были правы в своих выводах относительно марксизма еще за полтора века до того, как все остальное человечество стало свидетелем крушения коммунистической мистики и спуска флага с серпом и молотом в Кремле. Загнанные в концлагеря и расстрелянные охранкой в бывших царских, а затем большевистских казематах в первые годы режима, анархисты и другие революционеры заплатили жизнями за свою оппозицию большевистской тирании.

С 1917 по 1922 год большевистское руководство достаточно поработало над тем, чтобы

- 34 -

инструментальные, а коммунальные (общинные), культурные и духовные. (Хотя, опять же, экономические мотивы проявлялись и в этих ранних классовых обществах, где отношения между родственниками или даже между врагами становились отношениями чужаков, основанными на экономическом обмене.)

Для начала капитализм заменил общества, обеспечивавшие минимум выживания (то есть по сути неэкономические общества), рынком. Экономические отношения и торговля, "в лучшем случае игравшие подчиненную роль по отношению к другим аспектам жизни", говоря словами Карла Полани, стали центральными. "Механизм, приведенный в действие мотивом наживы, был сравним по силе своего действия лишь с самыми насильственными взрывами религиозного пыла в истории", - пишет он. "На протяжении всего лишь одного поколения весь человеческий мир стал объектом его концентрированного влияния". (K.Polanyi, The Great Transformation, 1957.)

Рынок, государство и, в конечном счете, индустриализм выросли одновременно как взаимосвязанные аспекты одной и той же общественной системы. Хотя рынки существовали и до эпохи подъема капитализма, они были, как показывает Полани, "в основном... соседскими" и "нигде не было видно следов того, что они подчиняли себе господствующую экономическую систему (то есть систему, основанную на независимости и обеспечении минимума, необходимого для выживания)". По существу, "внешняя торговля в Западной Европе была создана вмешательством государства". То же относится и к индустриализму, навязанному простым людям, которые отвечали на огораживания и фабричную систему гражданской войной, поджогами и разрушением машин. Для установления индустриального капиталистического порядка центральным властям приходилось посылать на их

- 23 -

усмирение десятки тысяч солдат. (См. E.P.Thompson, The Making of the English Working Class, 1963.)

Другими важными составляющими новой общественной системы были насилие и грабеж, применявшиеся в эпоху первоначального накопления - лишение земельных наделов традиционных общин в Европе, похищение и порабощение африканцев и завоевание Америки, Австралии и Азии. Массовое жестокое ограбление, ставшее ценой за индустриализацию Европы и Северной Америки, является примером того, что капиталу всегда необходимо наличие сверхэксплуатируемой колонии, зоны, приносимой в жертву. Именно эксплуатация труда и природы приносит богатство и доход, которые в свою очередь позволяют воспроизводить общественные отношения власти. Создание богатств требовало создания нищеты, - сегодня этот процесс происходит, например, на границе между капиталистическим развитием и теми маленькими культурами, основанными на самообеспечении, которые подвергаются колонизации и разрушению как из-за расширения рынка и вторжения товаров, так и из-за государственно-капиталистических мегатехнических проектов, вообще уничтожающих эти культуры.

Для народов, живших племенами и в деревнях, традиционное хозяйство, характеризующееся отсутствием товаров и институционализированных продуктов (и определяемое "развитыми" бюрократами как "нищета" и "неразвитость"), на самом деле обеспечивает достаток, в то время как богатство, достигаемое с помощью капиталистических инвестиций, промышленного развития и бюрократической институционализации, доводит подавляющее большинство населения до нищеты и бедствий. "Чем больше товаров и денег, тем меньше жизни", - пишет экофеминистка Вандана Шива, - "в природе (из-за экологического разрушения) и в обществе (из-за отрицания

- 24 -

Советской России. Что представляет собой "чуждый класс", чьи интересы отстаиваются в данном случае? Это сложный вопрос, но наверное самый удачный ответ на него содержится в работах многих коммунистов того времени - "техническая интеллигенция".

Конечно же, подобная недвусмысленная критика Маркса имела место еще со стороны его современников-анархистов, в особенности Бакунина, предсказавшего, что марксов авторитарный социализм по сути принесет с собой новую стадию капиталистического развития. Государственническая система Маркса и Энгельса, писал Бакунин, основывается на "мнимом господстве мнимой народной воли" и соединяет в себе два главных условия, необходимых для успешного развития капитализма, а именно: государственную централизацию и действительное подчинение суверенного народа интеллектуальному управляющему им меньшинству, будто бы представляющему его и непременно эксплуатирующему его. В другом месте он пишет: "Государство всегда было вотчиной какого-либо привилегированного класса: духовенства, дворянства, буржуазии. И в конце концов, когда все эти классы исчерпали себя, государство стало вотчиной бюрократического класса и пало, - или, если хотите возвысилось, - до положения машины".

Комментируя эти отрывки, Джон Кларк пишет: "Бакунин, применявший марксову критику буржуазной идеологии в качестве теоретической конструкции, которая одновременно оправдывала и маскировала властные отношения в капиталистическом обществе, распространял эту критику и на марксизм, который возникал как идеология развивающегося общественного класса, нового класса, чья власть уходила корнями в рост централизованного планирования и специализированных технологий. С одной стороны, этот технбюрократический класс впитывает в себя и

- 33 -

усмирение десятки тысяч солдат. (См. E.P.Thompson, The Making of the English Working Class, 1963.)

Другими важными составляющими новой общественной системы были насилие и грабеж, применявшиеся в эпоху первоначального накопления - лишение земельных наделов традиционных общин в Европе, похищение и порабощение африканцев и завоевание Америки, Австралии и Азии. Массовое жестокое ограбление, ставшее ценой за индустриализацию Европы и Северной Америки, является примером того, что капиталу всегда необходимо наличие сверхэксплуатируемой колонии, зоны, приносимой в жертву. Именно эксплуатация труда и природы приносит богатство и доход, которые в свою очередь позволяют воспроизводить общественные отношения власти. Создание богатств требовало создания нищеты, - сегодня этот процесс происходит, например, на границе между капиталистическим развитием и теми маленькими культурами, основанными на самообеспечении, которые подвергаются колонизации и разрушению как из-за расширения рынка и вторжения товаров, так и из-за государственно-капиталистических мегатехнических проектов, вообще уничтожающих эти культуры.

Для народов, живших племенами и в деревнях, традиционное хозяйство, характеризующееся отсутствием товаров и институционализированных продуктов (и определяемое "развитыми" бюрократами как "нищета" и "неразвитость"), на самом деле обеспечивает достаток, в то время как богатство, достигаемое с помощью капиталистических инвестиций, промышленного развития и бюрократической институционализации, доводит подавляющее большинство населения до нищеты и бедствий. "Чем больше товаров и денег, тем меньше жизни", - пишет экофеминистка Вандана Шива, - "в природе (из-за экологического разрушения) и в обществе (из-за отрицания

- 24 -

Советской России. Что представляет собой "чуждый класс", чьи интересы отстаиваются в данном случае? Это сложный вопрос, но наверное самый удачный ответ на него содержится в работах многих коммунистов того времени - "техническая интеллигенция".

Конечно же, подобная недвусмысленная критика Маркса имела место еще со стороны его современников-анархистов, в особенности Бакунина, предсказавшего, что марксов авторитарный социализм по сути принесет с собой новую стадию капиталистического развития. Государственническая система Маркса и Энгельса, писал Бакунин, основывается на "мнимом господстве мнимой народной воли" и соединяет в себе два главных условия, необходимых для успешного развития капитализма, а именно: государственную централизацию и действительное подчинение суверенного народа интеллектуальному управляющему им меньшинству, будто бы представляющему его и непременно эксплуатирующему его. В другом месте он пишет: "Государство всегда было вотчиной какого-либо привилегированного класса: духовенства, дворянства, буржуазии. И в конце концов, когда все эти классы исчерпали себя, государство стало вотчиной бюрократического класса и пало, - или, если хотите возвысилось, - до положения машины".

Комментируя эти отрывки, Джон Кларк пишет: "Бакунин, применявший марксову критику буржуазной идеологии в качестве теоретической конструкции, которая одновременно оправдывала и маскировала властные отношения в капиталистическом обществе, распространял эту критику и на марксизм, который возникал как идеология развивающегося общественного класса, нового класса, чья власть уходила корнями в рост централизованного планирования и специализированных технологий. С одной стороны, этот технбюрократический класс впитывает в себя и

- 33 -

(удивительно провидческая фраза, хотя здесь имелась в виду прежде всего неэффективность принудительного труда), Троцкий говорил, что даже крепостничество было производительно, и что принудительный рабский труд был для своего времени "прогрессивным явлением". (I. Deutscher, *The Prophet Armed: Trotsky 1879-1921*, New York, 1965.) В работе "Коммунизм и террор", написанной им в бронепоезде, он писал, что общеобязательный труд не только необходим, но что он представляет собой неизбежный метод организации и дисциплинирования рабочей силы при переходе от капитализма к социализму. Принуждение к труду со стороны государства также будет "играть исключительно важную роль на протяжении достаточно долгого времени". (Л. Троцкий, "Коммунизм и террор".) Здесь мы видим не только одно из иррациональных последствий идеологии "рационального господства", но и сущность того, к чему по всеобщему признанию пришли государственно-коммунистические системы - "индустриальное общество, организованное на военный лад". (Дэниэлс)

Дэниэлс отмечает, что "дилеммы", с которыми коммунистам пришлось столкнуться в 1921 году, были предвосхищены Энгельсом, заметившим в своей работе о крестьянских войнах в средние века, что наихудшее, с чем может столкнуться революционер, это приход к власти в условиях, когда его класс еще не готов к этому. "...он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение достаточно созрело в этот момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными." (Ф. Энгельс, "Крестьянская война в Германии".) Это замечание, пишет Дэниэлс, как нельзя лучше подходит для краткой характеристики

- 32 -

(удивительно провидческая фраза, хотя здесь имелась в виду прежде всего неэффективность принудительного труда), Троцкий говорил, что даже крепостничество было производительно, и что принудительный рабский труд был для своего времени "прогрессивным явлением". (I. Deutscher, *The Prophet Armed: Trotsky 1879-1921*, New York, 1965.) В работе "Коммунизм и террор", написанной им в бронепоезде, он писал, что общеобязательный труд не только необходим, но что он представляет собой неизбежный метод организации и дисциплинирования рабочей силы при переходе от капитализма к социализму. Принуждение к труду со стороны государства также будет "играть исключительно важную роль на протяжении достаточно долгого времени". (Л. Троцкий, "Коммунизм и террор".) Здесь мы видим не только одно из иррациональных последствий идеологии "рационального господства", но и сущность того, к чему по всеобщему признанию пришли государственно-коммунистические системы - "индустриальное общество, организованное на военный лад". (Дэниэлс)

Дэниэлс отмечает, что "дилеммы", с которыми коммунистам пришлось столкнуться в 1921 году, были предвосхищены Энгельсом, заметившим в своей работе о крестьянских войнах в средние века, что наихудшее, с чем может столкнуться революционер, это приход к власти в условиях, когда его класс еще не готов к этому. "...он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение достаточно созрело в этот момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными." (Ф. Энгельс, "Крестьянская война в Германии".) Это замечание, пишет Дэниэлс, как нельзя лучше подходит для краткой характеристики

- 32 -

основных потребностей)". Корни современного мирового продовольственного кризиса лежат в изначальном движении огораживания, работорговле и раннеколониальной экспансии, которыми сопровождалось возникновение современного капитализма. (См. Vandana Shiva, *Staying Alive: Women, Ecology and Development*, 1989; Ivan Illich, *Tools for Conviviality*, 1973; *Shadow Work*, 1981; Sylvia Winter, "Ethno or Socio Poetics" // *Alcheringa: Ethnopoetics*, edited by M. Benamou and J. Rothenberg, 1976.)

Государство всегда играло центральную роль в развитии капитализма, но особенно ярко это проявлялось начиная со второй половины XIX века. К тому времени, по мнению Джеймса Петраса, во всех случаях, когда наблюдалось развитие национального капитала, "имели место ширококомасштабные государственные инвестиции в большинство, если не во все основные секторы экономики на различные периоды времени". Отчасти это объясняется тем, что к тому времени мировой капитал достиг нового уровня и приобрел иной характер по сравнению с эпохой первоначального накопления в Европе. Ни одна из стран не могла создать солидный национальный капитал без государственной стратегии.

В колониальном мире, состоявшем из зависимых стран и старых империй, отставших от развитых капиталистических стран, слабая, колеблющаяся национальная буржуазия (которую Петрас называет "люмпен-буржуазией") служила посредником для международного капитала, управляя своими странами, принесенными в жертву колониальным силам. В этих странах тонкий средний слой (мелкая буржуазия) рождал якобинскую элиту, которая была способна возглавить войну за национальную независимость, целью которой было создание национализированного капитала под эгидой пост-революционного государства. Иногда в этих странах складывалась смешанная экономика (как в Мексике

- 25 -

основных потребностей)". Корни современного мирового продовольственного кризиса лежат в изначальном движении огораживания, работорговле и раннеколониальной экспансии, которыми сопровождалось возникновение современного капитализма. (См. Vandana Shiva, *Staying Alive: Women, Ecology and Development*, 1989; Ivan Illich, *Tools for Conviviality*, 1973; *Shadow Work*, 1981; Sylvia Winter, "Ethno or Socio Poetics" // *Alcheringa: Ethnopoetics*, edited by M. Benamou and J. Rothenberg, 1976.)

Государство всегда играло центральную роль в развитии капитализма, но особенно ярко это проявлялось начиная со второй половины XIX века. К тому времени, по мнению Джеймса Петраса, во всех случаях, когда наблюдалось развитие национального капитала, "имели место ширококомасштабные государственные инвестиции в большинство, если не во все основные секторы экономики на различные периоды времени". Отчасти это объясняется тем, что к тому времени мировой капитал достиг нового уровня и приобрел иной характер по сравнению с эпохой первоначального накопления в Европе. Ни одна из стран не могла создать солидный национальный капитал без государственной стратегии.

В колониальном мире, состоявшем из зависимых стран и старых империй, отставших от развитых капиталистических стран, слабая, колеблющаяся национальная буржуазия (которую Петрас называет "люмпен-буржуазией") служила посредником для международного капитала, управляя своими странами, принесенными в жертву колониальным силам. В этих странах тонкий средний слой (мелкая буржуазия) рождал якобинскую элиту, которая была способна возглавить войну за национальную независимость, целью которой было создание национализированного капитала под эгидой пост-революционного государства. Иногда в этих странах складывалась смешанная экономика (как в Мексике

- 25 -

в первые десятилетия после революции), иногда развивались бюрократические национализированные формы собственности (как в СССР и Китае). Эти движения за национальную независимость принимали социалистические формы: однопартийное государство, государственная собственность и планирование в ключевых отраслях промышленности и социалистическая (популистская) риторика и идеология. Хотя Петрас рассматривает лишь так называемые радикальные националистические государства, которые использовали "социалистические формы" для достижения капиталистических целей, это описание подходит и для социалистического блока, где классовое общество реализовало прибыль (через извлечение прибавочной стоимости) для государства и для проектов и привилегий правящей бюрократической касты или класса". ("State Capitalism in the Third World"/J.Petrás, Critical Perspectives on Imperialism and Social Class in the Third World, 1978)

Таким образом, мы видим, что лидеры из образованного среднего класса (а в определенном смысле де-класса), обычно составляющие кадры марксистских партий, используют марксистские рассуждения для проведения проектов индустриального развития, производства товаров и накопления богатства там, куда они не могли проникнуть раньше. Используя социалистическую идеологию они заложили основы для капитализма, экспроприируя не только старые классы, но и традиционные общины, и создавая внутренние колонии (в регионах, населенных этническими меньшинствами, в лагерях-гулагах, где использовался рабский труд; сюда же можно отнести и сверхэксплуатацию рабочих на благо "социалистической родины"), чтобы последние играли ту же роль, какую играли внешние колонии и рабство во время первой волны образования частнокапиталистических стран.

- 26 -

в первые десятилетия после революции), иногда развивались бюрократические национализированные формы собственности (как в СССР и Китае). Эти движения за национальную независимость принимали социалистические формы: однопартийное государство, государственная собственность и планирование в ключевых отраслях промышленности и социалистическая (популистская) риторика и идеология. Хотя Петрас рассматривает лишь так называемые радикальные националистические государства, которые использовали "социалистические формы" для достижения капиталистических целей, это описание подходит и для социалистического блока, где классовое общество реализовало прибыль (через извлечение прибавочной стоимости) для государства и для проектов и привилегий правящей бюрократической касты или класса". ("State Capitalism in the Third World"/J.Petrás, Critical Perspectives on Imperialism and Social Class in the Third World, 1978)

Таким образом, мы видим, что лидеры из образованного среднего класса (а в определенном смысле де-класса), обычно составляющие кадры марксистских партий, используют марксистские рассуждения для проведения проектов индустриального развития, производства товаров и накопления богатства там, куда они не могли проникнуть раньше. Используя социалистическую идеологию они заложили основы для капитализма, экспроприируя не только старые классы, но и традиционные общины, и создавая внутренние колонии (в регионах, населенных этническими меньшинствами, в лагерях-гулагах, где использовался рабский труд; сюда же можно отнести и сверхэксплуатацию рабочих на благо "социалистической родины"), чтобы последние играли ту же роль, какую играли внешние колонии и рабство во время первой волны образования частнокапиталистических стран.

- 26 -

"рабочем государстве". "Социализм," - писал он тогда же в 1918 году, - "есть ничто иное как государственно-капиталистическая монополия... в интересах всего народа". (Цит. по Maurice Brinton "Bolsheviks and Workers Control, 1917-1921. State and Counter-revolution. Detroit, 1975.)

Иерархическая структура руководства, диктаторское управление и единоначалие (зачастую в лице бывшего владельца или управляющего) были абсолютно необходимы для проведения государственно-капиталистической революции, предложенной Лениным. Как замечает Морис Бринтон, "в течение всего лишь одного года после захвата власти большевиками, производственные отношения, пошатнувшиеся на мгновение в период подъема массового движения, вернулись к своей классической авторитарной форме, традиционной для классовых обществ. Рабочие (именно как рабочие) были лишены сколь-нибудь значимого участия в принятии решений, которые их непосредственно касались."

Троцкий сыграл ведущую роль в этой контрреволюции, не только восстановив традиционные авторитарные и иерархические структуры в армии (он, например, ввел смертную казнь за неподчинение приказам в бою и уничтожил механизм выбора командиров), но также призывая к милитаризации труда и экономики, требуя отправки военных дезертиров и дезертиров трудового фронта в штрафные батальоны и концентрационные лагеря. "Трудящиеся массы не могут бродить по всей России", - говорил он делегатам съезда профсоюзов. "Их нужно перебрасывать с одного участка на другой, назначать им работу, руководить ими, как солдатами." (Robert V.Daniels, The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia, New York, 1969.)

Отвечая своим критикам из партии меньшевиков, говорившим, что "плановую экономику нельзя строить как строились пирамиды фараонов"

- 31 -

"рабочем государстве". "Социализм," - писал он тогда же в 1918 году, - "есть ничто иное как государственно-капиталистическая монополия... в интересах всего народа". (Цит. по Maurice Brinton "Bolsheviks and Workers Control, 1917-1921. State and Counter-revolution. Detroit, 1975.)

Иерархическая структура руководства, диктаторское управление и единоначалие (зачастую в лице бывшего владельца или управляющего) были абсолютно необходимы для проведения государственно-капиталистической революции, предложенной Лениным. Как замечает Морис Бринтон, "в течение всего лишь одного года после захвата власти большевиками, производственные отношения, пошатнувшиеся на мгновение в период подъема массового движения, вернулись к своей классической авторитарной форме, традиционной для классовых обществ. Рабочие (именно как рабочие) были лишены сколь-нибудь значимого участия в принятии решений, которые их непосредственно касались."

Троцкий сыграл ведущую роль в этой контрреволюции, не только восстановив традиционные авторитарные и иерархические структуры в армии (он, например, ввел смертную казнь за неподчинение приказам в бою и уничтожил механизм выбора командиров), но также призывая к милитаризации труда и экономики, требуя отправки военных дезертиров и дезертиров трудового фронта в штрафные батальоны и концентрационные лагеря. "Трудящиеся массы не могут бродить по всей России", - говорил он делегатам съезда профсоюзов. "Их нужно перебрасывать с одного участка на другой, назначать им работу, руководить ими, как солдатами." (Robert V.Daniels, The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia, New York, 1969.)

Отвечая своим критикам из партии меньшевиков, говорившим, что "плановую экономику нельзя строить как строились пирамиды фараонов"

- 31 -

местным, ориентированным на самообеспечение, а политическая власть была централизованной и бюрократической. В качестве примеров подобных обществ обычно приводятся древние Египет и Китай.)

Отвечая критикам, как внутри большевистской партии, так и вне ее, утверждавшим, что в России устанавливается вовсе не социализм, а государственный капитализм, Ленин писал в 1918 году: "Если мы введем государственный капитализм в течение примерно шести месяцев, мы достигнем большого успеха и гарантии того, что в течение года социализм завоеует уверенные позиции и сделается необратимым в нашей стране." "Советской власти" нечего бояться государственного капитализма, утверждал он, поскольку он будет "экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика". "Социализм немислим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов." (В.И. Ленин, "О "левом" ребячестве и мелкобуржуазности".)

Ленин шел еще дальше, призывая к введению сдельной оплаты труда, применению тайлоризма (хронометража и рационализации труда) и изучению "немецкого государственного капитализма, чтобы не тратить лишнего времени на его копирование". Новое государство не должно гнушаться никакими средствами для достижения своих целей, ни "диктатурой отдельных лиц", ни "варварскими методами для борьбы с варварством". Прибытие поездов по расписанию, чтобы торговцы могли заключать сделки, было для него "в тысячу раз более ценно, чем двадцать коммунистических резолюций". Эти слова позволяют назвать его не только предшественником Муссолини, но и предтечей нынешних сторонников свободного рынка в бывшем

- 30 -

Марксисты свято верили в то, что составляло "магму" (говоря словами Касториадиса) капиталистической идеологии. Отказываясь от вторичных признаков капитала (частнособственнические формы, характерные для других периодов и других стран), они радостно принимали идеологию развития, промышленности, производство, технологию и "рациональное господство". Для них капитализм был революционен и прогрессивен постольку, поскольку он разбивал традиционные оковы, которые их чувство колониальной неполноценности (и, давайте будем честны: их возмущение несправедливостями капитализма) заставляло отвергнуть, как "отсталые". Но социализм был даже лучше, поскольку он мог достичь того, что буржуазное общество лишь обещало. Стремление освободить "средства производства" от частнокапиталистических оков, и тем самым расширить производительные силы, сделали марксизм, по меткому выражению Жака Каматта, "подлинным творением капиталистического способа производства". У буржуазных и марксистских кадров было одно и то же ложное сознание. "Исторический материализм - это прославление скитаний, в которые человечество ушло на более чем столетие: рост производительных сил как необходимое условие освобождения." (J. Camatte, *The Wandering of Humanity*, Detroit, 1975)

Джанни Коллу, сотрудник Каматта, выразил это иначе. Все критики различных форм капитализма склонны оставлять в тени то, что имеет особенно важное значение: "переход стоимости к состоянию, когда она становится полностью независимой". Он продолжает:

"Этот переход представляет собой движение от стоимости, как абстрактной количественной характеристики, возникающей из производства товаров, к стоимости, как некоей объективированной вещи в себе, ради которой производятся товары и в соответствии с которой оцениваются все действия

- 27 -

местным, ориентированным на самообеспечение, а политическая власть была централизованной и бюрократической. В качестве примеров подобных обществ обычно приводятся древние Египет и Китай.)

Отвечая критикам, как внутри большевистской партии, так и вне ее, утверждавшим, что в России устанавливается вовсе не социализм, а государственный капитализм, Ленин писал в 1918 году: "Если мы введем государственный капитализм в течение примерно шести месяцев, мы достигнем большого успеха и гарантии того, что в течение года социализм завоеует уверенные позиции и сделается необратимым в нашей стране." "Советской власти" нечего бояться государственного капитализма, утверждал он, поскольку он будет "экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика". "Социализм немислим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов." (В.И. Ленин, "О "левом" ребячестве и мелкобуржуазности".)

Ленин шел еще дальше, призывая к введению сдельной оплаты труда, применению тайлоризма (хронометража и рационализации труда) и изучению "немецкого государственного капитализма, чтобы не тратить лишнего времени на его копирование". Новое государство не должно гнушаться никакими средствами для достижения своих целей, ни "диктатурой отдельных лиц", ни "варварскими методами для борьбы с варварством". Прибытие поездов по расписанию, чтобы торговцы могли заключать сделки, было для него "в тысячу раз более ценно, чем двадцать коммунистических резолюций". Эти слова позволяют назвать его не только предшественником Муссолини, но и предтечей нынешних сторонников свободного рынка в бывшем

- 30 -

Марксисты свято верили в то, что составляло "магму" (говоря словами Касториадиса) капиталистической идеологии. Отказываясь от вторичных признаков капитала (частнособственнические формы, характерные для других периодов и других стран), они радостно принимали идеологию развития, промышленности, производство, технологию и "рациональное господство". Для них капитализм был революционен и прогрессивен постольку, поскольку он разбивал традиционные оковы, которые их чувство колониальной неполноценности (и, давайте будем честны: их возмущение несправедливостями капитализма) заставляло отвергнуть, как "отсталые". Но социализм был даже лучше, поскольку он мог достичь того, что буржуазное общество лишь обещало. Стремление освободить "средства производства" от частнокапиталистических оков, и тем самым расширить производительные силы, сделали марксизм, по меткому выражению Жака Каматта, "подлинным творением капиталистического способа производства". У буржуазных и марксистских кадров было одно и то же ложное сознание. "Исторический материализм - это прославление скитаний, в которые человечество ушло на более чем столетие: рост производительных сил как необходимое условие освобождения." (J. Camatte, *The Wandering of Humanity*, Detroit, 1975)

Джанни Коллу, сотрудник Каматта, выразил это иначе. Все критики различных форм капитализма склонны оставлять в тени то, что имеет особенно важное значение: "переход стоимости к состоянию, когда она становится полностью независимой". Он продолжает:

"Этот переход представляет собой движение от стоимости, как абстрактной количественной характеристики, возникающей из производства товаров, к стоимости, как некоей объективированной вещи в себе, ради которой производятся товары и в соответствии с которой оцениваются все действия

- 27 -

людей. Традиционные "левые" (как старые, так и новые) не оспаривают эту систему стоимости, их не устраивает лишь неспособность капитализма преодолеть мелкие раздоры в производстве и общественных отношениях. Они видят, как и буржуазия, что эти раздоры препятствуют плавному движению общества к состоянию, где над ним безраздельно господствует стоимость, к обществу, где все вещи могут быть количественно оценены, где количество убивает качество. Коль скоро левые критикуют не производство стоимости, а то как эта стоимость производится, они стремятся к тому же, к чему стремится буржуазия: чтобы производство стоимости было все более эффективным". (G.Collu, "Transition"//Ideas for Setting Your Mind in a Condition of Disease, Falling Sky Books, no date.)

В Восточном блоке старая шутка объясняла, как можно доказать, что Восток был социалистическим, а не капиталистическим - на деньгах был изображен Ленин. (Даже это сейчас меняется. Чей лик теперь украсит банкноты - царя? банкира? исторического памятника, разрушаемого кислотными дождями? животного, обреченного на исчезновение?)

Социализм оказался разновидностью капиталистического развития, хотя и не перманентной: теперь, возможно, будут возрождены "классические" колониальные формы. В 1917 году старая форма уступила место новой. В 1991 году эта форма сменилась другой. Первая трансформация вскоре обернулась трагедией, вторая на наших глазах превращается в трагифарс. Неважно, кто или что изображено на деньгах. Это капитал.

4
*И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.
Анна Ахматова*

Несмотря на свой статус старой империи и

- 28 -

людей. Традиционные "левые" (как старые, так и новые) не оспаривают эту систему стоимости, их не устраивает лишь неспособность капитализма преодолеть мелкие раздоры в производстве и общественных отношениях. Они видят, как и буржуазия, что эти раздоры препятствуют плавному движению общества к состоянию, где над ним безраздельно господствует стоимость, к обществу, где все вещи могут быть количественно оценены, где количество убивает качество. Коль скоро левые критикуют не производство стоимости, а то как эта стоимость производится, они стремятся к тому же, к чему стремится буржуазия: чтобы производство стоимости было все более эффективным". (G.Collu, "Transition"//Ideas for Setting Your Mind in a Condition of Disease, Falling Sky Books, no date.)

В Восточном блоке старая шутка объясняла, как можно доказать, что Восток был социалистическим, а не капиталистическим - на деньгах был изображен Ленин. (Даже это сейчас меняется. Чей лик теперь украсит банкноты - царя? банкира? исторического памятника, разрушаемого кислотными дождями? животного, обреченного на исчезновение?)

Социализм оказался разновидностью капиталистического развития, хотя и не перманентной: теперь, возможно, будут возрождены "классические" колониальные формы. В 1917 году старая форма уступила место новой. В 1991 году эта форма сменилась другой. Первая трансформация вскоре обернулась трагедией, вторая на наших глазах превращается в трагифарс. Неважно, кто или что изображено на деньгах. Это капитал.

4
*И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.
Анна Ахматова*

Несмотря на свой статус старой империи и

- 28 -

военной державы, Россия при царе была одной из периферийных наций, отстававших в капиталистическом развитии. Царская власть начала развивать государственный капитализм при относительном отсутствии общественных классов и культуры, необходимых для поддержания этого процесса. Импортируя капитализм в страну, которая все еще не могла выбраться из трясины архаичного бюрократического деспотизма и где национальный капитал не мог соревноваться с развитыми европейскими государствами, она выпустила наружу силы, которые в конечном итоге смели эту власть.

Социальное содержание империи было не так легко преодолеть, даже если можно было изменить структуры и специфические общественные классы. Как писал Карл Витфогель в своем классическом исследовании "Восточный деспотизм: сравнительное исследование абсолютной власти", "спустя девять месяцев после падения полууправленческого аппаратного государства, созданного царизмом, большевистская революция расчистила дорогу тотально-управленческому аппаратному государству СССР". (K.Wittfogel, Oriental Despotism: A Comparative Study in Total Power.)

В России захват власти большевиками почти незамедлительно привел к созданию государственно-капиталистического режима. Ленин, как и Маркс фетишизировавший "прогрессивное" развитие промышленной технологии и производства и опасавшийся того, что страна вернется к "азиатскому деспотизму" царей, сознательно пытался заложить основы капитализма на костях революционного населения, интересы которого он, по его словам, представлял. В противном случае он опасался того, что произойдет реставрация всеобщего, бюрократического рабства, характерного для азиатского деспотизма, который Маркс и другие описывали в свое время как способ производства, отличный от рабовладения и феодализма. (В этих обществах производство было распыленным,

- 29 -

военной державы, Россия при царе была одной из периферийных наций, отстававших в капиталистическом развитии. Царская власть начала развивать государственный капитализм при относительном отсутствии общественных классов и культуры, необходимых для поддержания этого процесса. Импортируя капитализм в страну, которая все еще не могла выбраться из трясины архаичного бюрократического деспотизма и где национальный капитал не мог соревноваться с развитыми европейскими государствами, она выпустила наружу силы, которые в конечном итоге смели эту власть.

Социальное содержание империи было не так легко преодолеть, даже если можно было изменить структуры и специфические общественные классы. Как писал Карл Витфогель в своем классическом исследовании "Восточный деспотизм: сравнительное исследование абсолютной власти", "спустя девять месяцев после падения полууправленческого аппаратного государства, созданного царизмом, большевистская революция расчистила дорогу тотально-управленческому аппаратному государству СССР". (K.Wittfogel, Oriental Despotism: A Comparative Study in Total Power.)

В России захват власти большевиками почти незамедлительно привел к созданию государственно-капиталистического режима. Ленин, как и Маркс фетишизировавший "прогрессивное" развитие промышленной технологии и производства и опасавшийся того, что страна вернется к "азиатскому деспотизму" царей, сознательно пытался заложить основы капитализма на костях революционного населения, интересы которого он, по его словам, представлял. В противном случае он опасался того, что произойдет реставрация всеобщего, бюрократического рабства, характерного для азиатского деспотизма, который Маркс и другие описывали в свое время как способ производства, отличный от рабовладения и феодализма. (В этих обществах производство было распыленным,

- 29 -